

Александръ Карловичъ Делленъ.

Обозрѣніе его ученой дѣятельности и біографическія данныя.

Александръ Карловичъ Делленъ состоялъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ римской словесности и древностей въ Харьковскомъ университетѣ съ 30 декабря 1867 г. по 22 марта 1882 г. На службу въ Харьковскій университетъ онъ перешелъ, послѣ кратковременной отставки (съ 1 августа по 30 декабря 1867 года), изъ университета св. Владиміра, въ которомъ занималъ ту же кафедру римской словесности и древностей.

Состоя профессоромъ Харьковского университета, онъ издалъ слѣдующіе труды изъ области своей специальности:

1. Prooemium, quo scholas suas de historia litterarum Romanarum in Caesarea Universitate Charcoviensi habendas aperuit. Харьковъ, 1869.

2. Doctrinae metricae summarium in usum scholarum suarum scriptum. Петербургъ, 1876.

3. P. Terenti Nauton Timorumenos. Самъ себя наказывающій. Комедія Публія Теренція съ введеніемъ, съ подробнымъ комментариемъ и съ русскимъ переводомъ. Харьковъ, 1879.

За прежнее время, до перехода въ Харьковъ, имъ напечатаны слѣдующіе труды по классической филологіи:

1. De vita Livii Andronici dissertatio, quam auctoritate amplissimi philosophorum ordinis in Universitate Litterarum Caesarea Dorpatensi ad gradum magistri aa. H. rite impetrandum scriptam publice defendet Alexander Ludovic. Döllen, cand. phil., linguae germanicae praeceptor primarius in gymnasio Rigensi. Dorpati Livonorum 1838 (магистерская диссертация).

2. De fabula Livii Andronici, quae inscribitur Aegisthus. Einladung zur öffentlichen Prüfung im Gymnasium. Riga, 1838.

3. Beiträge zur Kritik und Erklärung der Satiren des D. Iun. Iuvenalis von Alex. Ludw. Döllen, ausserordentlichen Professor der Römischen Literatur an der St.-Wladimir-Universität. Kiew, 1846 (представлено въ качествѣ докторской диссертации въ 1863 году).

4. Краткій историческій очеркъ древней греческой литературы. Кіевъ, 1851.

5. Разборъ сочиненія Ешевскаго: „К. С. Аполлинарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V-го вѣка“. С.-Петербургъ, 1856.

6. *Carmen saeculare Horatii*, съ введеніемъ и подробнымъ комментариемъ. Кіевъ, 1865.

7. *Cornelii Taciti Germania*, съ подробнымъ комментариемъ и введеніемъ. Кіевъ, 1866.

Кромѣ того, въ періодъ его дѣятельности въ Кіевѣ, напечатаны имъ еще слѣдующія статьи и сочиненія на темы, не имѣвшія прямого отношенія къ его ученой специальности:

1. *Kurzgefasste Geschichte und heutiger Standpunkt der Mnemonik, vorgelesen in einer Versammlung der Professoren beim Curator Pirogoff am 17 März 1859* (напечатано въ томъ же году въ дерптскомъ журналѣ „*Inland*“).

2. *Der erste Unterricht. Ein Rathgeber für Eltern, die ihre Kinder selbst für die Schule vorbereiten wollen.* Dorpat, 1865.

3. О наблюденіи надъ солнечнымъ затмѣніемъ въ Кіевѣ въ 1851 г. (напечатано въ сборникѣ „Наблюденія надъ затмѣніемъ солнца“). Кіевъ, 1852.

4. *Kurze Nachrichten über die evangelisch-lutherische Gemeinde in Kiew von ihrem Entstehen bis auf den heutigen Tag.* Kiew, 1857.

Въ бытность свою профессоромъ Харьковскаго университета Делленъ составилъ подобную историческую записку о Харьковской евангелической общинѣ, по случаю празднованія 50-лѣтія, въ 1880 году. Точное заглавіе мнѣ неизвѣстно.

Въ фундаментальной библіотекѣ Харьковскаго университета имѣются не всѣ труды Деллена. Изъ сочиненій, относящихся къ классической филологіи, остались мнѣ неизвѣстными: 1) Краткій очеркъ греческой литературы; 2) Разборъ сочиненія Ешевскаго и 3) *Carmen saeculare*.

Приступая теперь къ разсмотрѣнію главныхъ трудовъ А. К. Деллена, я останавлиюсь прежде всего на тѣхъ сочиненіяхъ, которые изданы имъ въ періодъ его службы въ Харьковскомъ университетѣ, отчасти во вниманіе къ этому самому обстоятельству въ смыслѣ матеріала по исторіи Харьковскаго университета, но главнымъ образомъ, въ виду того, что эти сочиненія, принадлежа къ послѣднему періоду ученой и преподавательской дѣятельности Деллена, наиболѣе пригодны для выясненія его научныхъ взглядовъ и пріемовъ въ ихъ окончательной формѣ.

I. Prooemium, quo scholas suas de historia litterarum Romanarum habendas aperuit. 1869.

Эта вступительная лекція, обнимающая собою 85 страниц большого формата, въ значительной мѣрѣ превосходитъ размѣры обычнаго часового чтенія. Но такой объемъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что добрая половина всей брошюры состоитъ изъ подробнаго перечисленія заглавій различныхъ сочиненій, преимущественно нѣмецкихъ, а также изъ всевозможныхъ цитатъ изъ древнихъ авторовъ, въ изобиліи сообщаемыхъ даже по поводу лишь вскользь затронутыхъ вопросовъ. Такъ напр. на стр. 52, въ примѣчаніи, перечислены всѣ мѣста древнихъ авторовъ, какъ свидѣтельства о томъ, что греческія письма заимствованы съ востока; но при этомъ совершенно опущенъ самый главный аргументъ: семитическая форма основныхъ буквъ греческаго алфавита и ихъ семитическія названія (alpha-aleph „быкъ“, betha-beth „домъ“ и пр.). Вообще въ этой вступительной лекціи въ чрезвычайно рельефной формѣ выступаетъ наружу наиболѣе характеристическая черта большей части работъ Деллена, заключающаяся въ открытомъ стремленіи къ возможной полнотѣ ученаго аппарата, понимаемого, однако, лишь въ смыслѣ механическаго нагроможденія есылокъ на источники и пособія (*fontes et auxilia*), даже безъ всякаго разбора.

Послѣ краткаго обращенія къ своимъ слушателямъ (*iuvenes ornatissimi*!), въ которомъ онъ заявляетъ, что будетъ читать свои лекціи на латинскомъ языкѣ, съ указаніемъ пользы такого приема, авторъ распредѣляетъ матерію своего вступительнаго чтенія на семь параграфовъ.

Первые два параграфа, сравнительно краткіе, трактуютъ о понятіи исторіи литературы вообще и о системѣ ея изложенія (*de notione historiae litterarum; de optima ratione docendae historiae litterarum*). Онъ дѣлитъ исторію литературы на внѣшнюю и внутреннюю. Первая, по его опредѣленію, состоитъ въ указаніи именъ писателей и хронологическихъ данныхъ ихъ жизни, въ приведеніи заглавій ихъ сочиненій и, наконецъ, въ полномъ (*sic!*) перечисленіи ихъ изданій (*cum plenis editionum indicibus*); напротивъ, объ изложеніи содержанія этихъ сочиненій, что также должно быть отнесено сюда же, совершенно умалчивается. Внутреннюю же исторію онъ усматриваетъ въ разъясненіи возникновенія литературы въ связи съ характеромъ и исторической жизнью даннаго народа, а также въ изслѣдованіи постепеннаго развитія, роста и упадка отдѣльныхъ литературныхъ отраслей. Делленъ справедливо требуетъ соединенія той и другой точки зрѣнія на предметъ исторіи литературы, но все же самъ склоняется скорѣе въ сторону первой, какъ

видно изъ того, что онъ тутъ же предостерегаетъ отъ смѣшенія внутренней исторіи литературы съ исторіей культуры вообще и въ частности съ исторіей искусствъ. Что же касается системы изложенія, то возможно или просто хронологическій порядокъ писателей или же дѣленіе по литературнымъ разрядамъ. Съ своей стороны Делленъ обѣщаетъ представить своимъ слушателямъ прежде всего общее обзорѣніе римской литературы въ хронологическомъ порядкѣ, но съ подраздѣленіемъ на періоды, которые въ свою очередь будутъ дѣлиться по разрядамъ литературнаго творчества, а затѣмъ, если позволить время, прибавить болѣе подробный разборъ біографій и сочиненій важнѣйшихъ писателей.

Въ третьемъ параграфѣ (*de nomine, argumento, ambitu et utilitate historiae litterarum Romanarum*) авторъ объясняетъ, почему нужно отдать предпочтеніе термину „римская словесность“ передъ терминомъ „латинская словесность“. Въ зависимости отъ этого находится также и опредѣленіе предмета исторіи римской литературы (*argumentum*), а равно и ея хронологическихъ предѣловъ (*ambitus*). Въ послѣднемъ отношеніи исторія римской литературы, по опредѣленію Деллена, равна политической исторіи римскаго народа, обнимая собою періодъ времени въ 1228 лѣтъ, съ 753 года до Р. Хр. и до 476 года по Р. Хр. Такое удивительное и на первый взглядъ даже непонятное указаніе начала исторіи римской литературы, съ самаго момента основанія Рима (стр. 6), находитъ себѣ нѣкоторое разъясненіе въ утвержденіи (стр. 55), что римляне будто-бы пользовались искусствомъ писать еще при Ромулѣ (*Romae iam sub Romulo gravissimas quasdam res litteris e Graecia acceptis consignatas*); но только изъ диссертациі о Ливіѣ Андроникѣ мы узнаемъ въ частности, что именно салиарскія и арвальскія пѣсни составлены были вскорѣ послѣ основанія Рима. Въ концѣ третьяго параграфа прибавлено безсодержательное въ сущности замѣчаніе о пользѣ латинскаго языка и римской литературы, съ присоединеніемъ къ этому замѣчанію весьма обширнаго указателя сочиненій по вопросу о классическомъ образованіи. Мѣсто о пользѣ (*utilitas*) римской литературы вышло столь безсодержательнымъ вслѣдствіе того, что этотъ вопросъ авторомъ ошибочно поставленъ на почву общаго образованія, въ то время какъ слѣдовало ему говорить только о пользѣ этого предмета для специалистовъ-филологовъ, т. е. надо было указать мѣсто и значеніе этого предмета среди остальныхъ филологическихъ дисциплинъ. Дѣло въ томъ, что первые пять параграфовъ вступительной лекціи Деллена составлены по старинному шаблону, мнѣ лично хорошо извѣстному по курсамъ, которые пришлось мнѣ прослужать на богословскомъ факультетѣ и въ которыхъ неизмѣнно излагалось на первомъ мѣстѣ понятіе

каждой отдѣльной дисциплины, ея предметъ, ея система и, наконецъ, ея *utilitas* въ указанномъ мною смыслѣ. Впрочемъ, въ этомъ именно смыслѣ вопросъ объ *utilitas* поставленъ самимъ Делленомъ въ другомъ его сочиненіи, во введеніи къ метрикѣ (см. ниже).

Четвертый параграфъ, также довольно краткій (всего въ 2 страницы) исчерпывается перечисленіемъ однихъ только именъ древнихъ авторовъ, римскихъ и греческихъ, а также и названій нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ (*inscriptiones latinae, fasti consulares, fasti triumphales, acta diurna*), которые чаще всего цитуются по поводу разныхъ частныхъ вопросовъ римской литературы, принадлежа такимъ образомъ къ ея источникамъ (*de fontibus historiae litterarum Romanarum*). Но заглавія сочиненій этихъ авторовъ и изданія упомянутыхъ памятниковъ не показаны вовсе. За то тѣмъ обильнѣе и подробнѣе выписаны заглавія всевозможныхъ пособій въ слѣдующемъ, пятомъ, параграфѣ (*de optimis, quae in discenda litterarum Romanarum historia suppetunt, praesidiis*), занимающемъ болѣе трети всей брошюры (до 30 страницъ).

Этими пятью параграфами собственно и исчерпано введеніе въ узкомъ смыслѣ этого слова. Однако авторъ не ограничился этимъ, прибавивъ еще два параграфа, представляющіе собою уже начало изложенія самого предмета. Первый изъ этихъ двухъ параграфовъ трактуетъ о происхожденіи и свойствахъ латинскаго языка (*de origine et proprietate linguae latinae*), а второй о характерѣ римскаго народа и о вліяніи этого характера на развитіе отдѣльныхъ отраслей литературы (*de indole et ingenio populi Romani*).

Не трудно замѣтить, что побудительной причиной къ прибавленію этихъ двухъ параграфовъ автору послужило желаніе представить обращикъ своей ученой работы по болѣе содержательнымъ вопросамъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ пришлось ему говорить въ первыхъ, только формальныхъ, параграфахъ. И дѣйствительно, статья о происхожденіи языка разработана съ видимою любовью и даже увлеченіемъ, представляя собою, такъ сказать, гвоздь всей этой вступительной лекціи. Однако, проводимые имъ здѣсь взгляды, къ сожалѣнію, показываютъ, что въ лингвистическихъ и связанныхъ съ ними преисторическихъ вопросахъ онъ былъ не болѣе, какъ диллетантъ, въ родѣ Безсонова.

Вопросъ о происхожденіи латинскаго языка Делленъ отождествляетъ съ вопросомъ о происхожденіи римскаго народа, и такимъ образомъ переноситъ его на этнографическую почву. Но при этомъ а priori отвергаетъ не только мифы, но и обычаи, какъ не имѣющіе никакого значенія для рѣшенія этого вопроса, считая одинъ только языкъ достаточно надежнымъ критеріемъ въ этомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ по

отношенію къ римлянамъ. Казалось бы, что въ такомъ случаѣ рѣшеніе вопроса должно быть основано на данныхъ, извлекаемыхъ изъ языка римлянъ. Однако этого нѣтъ; не упомянуть даже чрезвычайно любопытный фактъ поразительнаго совпаденія многихъ латинскихъ словъ съ сицилійскими, несмотря на то, что сикуламъ принадлежитъ очень крупная роль въ построеніи, предлагаемомъ авторомъ этой вступительной лекціи. Крайне смутны даже и самыя основныя представленія его о взаимной связи языковъ. На стр. 37 онъ заявляетъ, что латинскій языкъ находится въ родствѣ не только съ германскимъ языкомъ, но и съ разными азіатскими языками, каковы: *еврейскій* (!), санскритскій, зендскій и др., а на стр. 40 говоритъ онъ о родствѣ съ санскритскимъ языкомъ какъ латинскаго и греческаго, такъ и *иберійскаго* (!), кельтскаго и германскаго (о славянскихъ онъ не упоминаетъ ни разу). Сответственно этому въ обширномъ указателѣ „пособій“, наряду съ сочиненіями Боппа и компендіемъ Шлейхера, приведены и такія книги, какъ напр. Guichart, *Harmonie étymologique de langues, où se démontre que toutes les langues sont descendues de l'Hebraïque*. Отвергнувъ старое мнѣніе о происхожденіи латинскаго языка отъ греческаго, а равно и рассказы о томъ, что Римъ былъ греческой колоніей, онъ находитъ, что нельзя производить его и отъ санскритскаго, хотя и допускаетъ, что латинскій языкъ стоитъ ближе (sic) къ санскритскому, чѣмъ къ греческому. Личное же его мнѣніе заключается въ томъ, что *латинскій языкъ произошелъ отъ смѣси греческаго языка съ какимъ-то другимъ*, совершенно отличнымъ отъ греческаго (стр. 41). Въ подтвержденіе этого онъ ссылается на magna inter omnium temporum viros doctos consensio, но, противъ своего обыкновенія, цитуетъ всего только одного Діонисія (1,90), слова котораго, однако, имѣютъ явную окраску національнаго тщеславія, успокаивающагося на томъ, что римляне, тогдашніе владыки Греціи, по своему языку по крайней мѣрѣ полугреки, а въ бытовомъ отношеніи даже и все равно, что греки. Исходя изъ своего основнаго положенія о смѣшанномъ характерѣ латинскаго языка, авторъ совершенно логично спрашиваетъ: 1) какой это былъ тотъ второй языкъ и 2) который изъ этихъ двухъ элементовъ имѣлъ преобладающее значеніе. По отношенію къ первому вопросу авторъ указываетъ двойкую возможность: или это былъ языкъ совершенно чужого народа или же дѣло касается „пеласгическаго“ народа, родственнаго грекамъ. Самъ онъ принимаетъ первый способъ рѣшенія этого вопроса, соглашаясь съ Клоцемъ въ томъ, что основаніе латинскому языку положено варварскимъ народомъ, совершенно отличнымъ отъ грековъ, именно сикулами; но тутъ же соглашается и съ мнѣніемъ Гротефенда, что эти сикулы

были кельты, т. е. они все-таки были родственны грекамъ, что только и свидѣтельствуешь объ удивительной безпомощности автора въ вопросѣ, который онъ берется рѣшать. Къ этимъ-то сикуламъ-кельтамъ, жившимъ на территоріи позднѣйшаго Рима, присоединились потомъ аборигины, народъ греческаго происхожденія (sic!), родственныи прочимъ „пеласгическимъ“ народамъ, который жилъ долго (!) около сабинскаго города Reate, но, наконецъ, былъ изгнанъ оттуда сабинами и переселился въ Лацій. (Въ дѣйствительности, конечно, не было никакого *народа* аборигиновъ въ этнографическомъ смыслѣ, да и самое названіе не что иное, какъ только плодъ ученой терминологіи древнихъ археологовъ). Эти аборигины долгое (!) время воевали съ сикулами, но, наконецъ, „греческій“ элементъ (т. е. аборигины) взялъ верхъ надъ сикульскимъ: сикулы частью оказались подъ властью аборигиновъ, частью совсѣмъ исчезли изъ Лаціи. Когда такимъ образомъ постепенно сгладилось первоначальное различіе между сикулами и аборигинами, послѣдніе приняли названіе отъ имени занятой имъ страны Latium, каковое слово въ свою очередь происходитъ отъ Iacus (!), какъ поясняетъ авторъ на стр. 44 въ примѣчаніи. Такимъ образомъ латинскій языкъ выработался изъ смѣси греческаго языка аборигиновъ съ языкомъ сикуловъ, который авторъ неоднократно называетъ не просто кельтскимъ, какъ слѣдовало ожидать на основаніи его согласія съ Гротендумъ, а, напротивъ, кельто-германскимъ, впадая въ ту же ошибку національнаго самообольщенія, какъ и Діонисій въ выше указанномъ мѣстѣ. Также и прочіе италійскіе языки, сабинскій, умбрійскій и осскій, произошли отъ того же „кельтскаго, галльскаго или (!) германскаго“ языка въ соединеніи съ греческимъ (стр. 48: omnes reliquae linguae in Italia antiqua linguae celticae, galicae seu germanicae originem debere videntur). Однимъ словомъ древнѣйшая Италія была первоначально кельто-германскою страной совершенно такъ, какъ она оказывалась славянскою по Коллару. Но справедливость требуетъ указать на одно крупное преимущество этихъ фантастическихъ реконструкцій передъ новѣйшимъ языковѣдѣемъ, до послѣдняго времени совершенно игнорировавшимъ вопросъ о присутствіи въ латинскомъ языкѣ какого-то посторонняго, не латинскаго, элемента. Только въ новѣйшее время начинаютъ по немногу считаться и съ этимъ элементомъ; такъ напр. I. Vendryes (Recherches sur l'histoire et les effets de l'intensité initiale en Latin. 1902) возводитъ перемѣну ударенія въ латинскомъ языкѣ къ вліянію мѣстнаго до-индоевропейскаго языка. Впрочемъ, прежнія теоріи, въ томъ числѣ и у Деллена, строились не на фактическихъ данныхъ, языковыхъ или бытовыхъ, а болѣе или менѣе только на археологическомъ матеріалѣ древнихъ авторовъ, усваиваемомъ безъ всякой критики.

Разъяснив по своему происхожденію римскаго народа и латинскаго языка, авторъ обращается къ вопросу о письмѣ, который рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что греческое письмо было извѣстно римлянамъ еще при Ромулѣ, но съ теченіемъ времени выработался особый типъ латинскихъ письменъ благодаря вліянію этрусскаго шрифта (стр. 54). Въ дѣйствительности же форма латинскихъ буквъ чисто греческая (халкидскаго образца), да и приняты онѣ римлянами, вѣроятно, уже только въ теченіе республиканскаго періода, послѣ ослабленія прежняго этрусскаго вліянія, остатокъ котораго навсегда сохранился въ латинской орфографіи, въ значеніи буквы С, отличномъ отъ значенія греческой гаммы.

Выше уже было замѣчено, что Делленъ считалъ языкъ сикуловъ кельто-германскимъ. Согласно съ этимъ, и въ характерѣ латинскаго языка онъ находитъ большое сходство съ нѣмецкимъ, а именно въ преобладающей силѣ ударенія (стр. 56), благодаря которой многіе гласныя, лишеныя ударенія, могли исчезать, какъ въ нѣм. *bitt(e)re*, *uns(e)re*, такъ и въ лат. *dext(e)ra*, *si(e)rim*, *cal(e)facio*, *lauda(ve)ram*, или же произноситься глухо, напр. *vinc(u)lum*, *herc(u)le*.

Сикулы, составлявшіе коренную часть римскаго народа, пришли съ сѣвера (стр. 58: *ex septemtrionibus oriundi*). По этой причинѣ языкъ римлянъ оказывался не такимъ изящнымъ и утонченнымъ, какъ языкъ грековъ; напротивъ, онъ былъ тяжеловѣсенъ и грубъ, и являлся болѣе простымъ, какъ въ удареніи, такъ и во флексіи и въ словосложеніи, но вслѣдствіе этого строеніе его вышло чрезвычайно прозрачнымъ и логическимъ, хотя въ то же время онъ былъ и довольно бѣденъ и тривиаленъ. Все это препятствовало скорому расцвѣту литературы. При томъ по своимъ качествамъ латинскій языкъ оказался болѣе пригоднымъ для прозы, чѣмъ для поэзіи, а въ послѣдней онъ годился болѣе для трагедіи и дидактической поэзіи, чѣмъ для комедіи и эпоса (стр. 69). Такой характеръ латинскаго языка, освѣщенный, несмотря на нѣкоторое сгущеніе красокъ, довольно правильно для архаическаго періода, зависѣлъ, конечно, не отъ того, что римскій народъ въ доисторическое время прибылъ въ Италію съ сѣвера, а отъ тѣхъ историческихъ условій, среди которыхъ пришлось ему прожить цѣлыя вѣка. Также и преимущественное развитіе нѣкоторыхъ отраслей литературы въ начальное время зависѣло не отъ характера языка, а отъ общихъ культурныхъ вліяній того времени. Приложение характера языка къ литературѣ дано авторомъ въ такомъ видѣ, какъ будто римская литература развилась сама изъ себя!

Болѣе удачно изложенъ послѣдній параграфъ, въ которомъ охарактеризовано практическое направленіе римскаго народа, приведшее

къ самостоятельной обработкѣ прежде всего такихъ литературныхъ отраслей, которыя соотвѣтствовали этому направленію. Здѣсь авторъ отдаетъ должную дань эллинизму въ римской литературѣ, хотя и далеко не въ той степени, какъ того заслуживаетъ эта важная сторона дѣла.

II. *Doctrinae metricae summarium*. 1876.

Изъ предисловія мы узнаемъ, 1) что эта книга издана на средства Петербургскаго общества классической филологіи и педагогики, 2) что она составлена по руководству Готтфрида Германна „*Epitome doctrinae metricae*“ и при томъ отчасти даже въ дословномъ извлеченіи (*locos quosdam paene ad verbum transcriptos*) и 3) что во время печатанія своего труда авторъ пользовался совѣтами А. Наука и Л. Мюллера.

Введеніе къ метрикѣ (*prolegomena*) составлено по тому-же шаблону, о которомъ была рѣчь выше. Сперва объясняется понятіе и предметъ метрики съ указаніемъ дѣленія ея матеріи, затѣмъ разъясняется польза (*utilitas*) этой дисциплины и, наконецъ, перечисляются *fontes* и *auxilia* (источники и пособія).

Собственный предметъ метрики изложенъ въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ первая озаглавлена: *doctrinae metricae pars generalis, quae est de notione et de legibus rhythmī apud Graecos et Romanos* (стр. 10—32), а вторая:—*doctrinae metricae pars specialis, quae est de Graecorum Romanorumque metris et simplicibus et mixtis ac compositis* (стр. 33—128).

Въ первой части объяснено значеніе основныхъ терминовъ метрики, каковы: *ictus*, *arsis*, *thesis*, *mora*, *syllaba anceps*, *pes*, *versus catalecticus*, *anacrusis* и проч.; между прочимъ, перечислены всѣ двухъ-, трехъ- и четырехсложныя стопы въ традиціонной формѣ.

Вторая часть трактуетъ о разныхъ стихахъ: трохаическихъ, ямбическихъ, дактилическихъ и такъ далѣе, до сложныхъ строфъ включительно, при чемъ въ видѣ примѣровъ разобрана метрика двухъ гимновъ Пиндара (*Olymp.* II и III) и два кантика (одинъ—Эсхила *Choeph.* 319 сл., а другой—Софокла *Antig.* 944 сл.).

Метрика Деллена представляетъ собою, правда, элементарное руководство, предназначавшееся, однако, не для употребленія въ гимназіяхъ, а для университетскаго преподаванія этого предмета, какъ указано въ самомъ заглавіи (*in usum scholarum suarum*). Поэтому нельзя не усматривать крупнаго недостатка въ томъ, что въ изложеніи теоріи греко-римской метрики у Деллена нигдѣ не упомянуто ни единымъ словомъ о новыхъ воззрѣніяхъ въ этой области. Въ виду цѣлаго переворота, произведеннаго капитальными трудами Вестфала и Шмидта, такое полное игнорированіе новаго направленія въ метрикѣ, основан-

наго на связи формъ поэзіи съ формами музыки, совершенно непростительно для университетскаго учебника, тѣмъ болѣе, что еще за нѣсколько лѣтъ до появленія книги Деллена, въ 1871 году, въ Кіевѣ на рускомъ языкѣ изданъ былъ весьма умѣло составленный элементарный „Опытъ научной римской метрики сравнительно съ греческой“ А. А. Иванова, въ духѣ новаго направленія, о чемъ Деллену, какъ бывшему Кіевскому профессору, могло быть извѣстно. Если онъ въ предисловіи подчеркиваетъ одобреніе своего труда со стороны Наука и Л. Мюллера, то это нисколько не оправдываетъ допущеннаго имъ отношенія къ дѣлу. Два года спустя послѣ появленія книги Деллена, самъ Мюллеръ издалъ подобный элементарный учебникъ метрики для своихъ слушателей въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ. Также и онъ не даетъ никакихъ указаній на счетъ новаго направленія. Тѣмъ не менѣе, перечисливъ въ началѣ своей работы всѣ стопы въ традиціонномъ видѣ (напр. *choriambus* - - - -), въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи предусмотрительно избѣгаетъ приложенія старой теоріи о стопахъ къ дѣленію стиховъ въ соотвѣтственной формѣ. Такъ напр. первый асклепидическій стихъ изображенъ у него (стр. 24) въ слѣдующемъ нераздѣльномъ видѣ: - - - - - | - - - - -, въ то время какъ Деллень (стр. 82) добросовѣстно воспроизводитъ еще старое дѣленіе: - - | - - - - | - - - - | - - -. Пріемъ, употребленный Мюллеромъ, правда, только уловка, но эта послѣдняя подсказана осторожностью, не предрѣшающею вопроса въ пользу старой теоріи, какъ это дѣлаетъ Деллень.

Характеристично, что даже термины *ῥοῖς* и *θῆοις* употреблены Делленомъ (стр. 11) въ ходячемъ смыслѣ о повышеніи и пониженіи голоса, безъ малѣйшаго указанія на то, что въ древности эти два термина употреблялись какъ разъ въ обратномъ значеніи и что, слѣдовательно, тутъ и рѣчи быть не можетъ о голосѣ. Это было извѣстно и помимо Вестфаля и его ученія о связи стихотворнаго такта съ музыкальнымъ тактомъ для танца. Даже при игнорированіи новаго направленія слѣдовало упомянуть, по крайней мѣрѣ, о самомъ фактѣ съ указаніемъ того или другого объясненія этого факта, тѣмъ болѣе, что оба существующіе способа толкованія терминовъ *θῆοις* и *ῥοῖς* вполнѣ удобны даже для гимназическаго учебника: они относились или къ положенію ноги (по теперешнему, руки) дирижера хора или же къ положенію ноги танцующаго (ср. напр. *Hermes*, 1900, стр. 317 прим.). Указаніе на то, что эти термины сложились въ частности на почвѣ орхестики (*θῆοις*—ударъ ноги танцующаго о землю, *ῥοῖς*—поднятіе ея) дало бы возможность выяснить также и терминъ *ποὺς* (*pes*, стопа), такъ и оставшійся у Деллена пустымъ звукомъ.

Но и независимо отъ направленія, стараго или новаго, въ книгѣ Деллена замѣчается влеченіе къ безжизненной схемѣ даже въ ущербъ содержанію стиховъ. Особенно отражается это на тѣхъ указаніяхъ, которыя онъ даетъ относительно скандовки гекзаметра (стр. 54 сл.). Механическое дѣленіе стиха по цезурамъ, не сообразное ни съ логическимъ смысломъ, ни даже съ фонетическими условіями, дѣлаетъ скандовку прямо безобразной. Такъ напр. на стр. 57 указана пятиполовинная цезура (*πενθημιερής*) въ слѣдующихъ стихахъ:

Aen. 1, 494: haec cum Dardanio Ae—neae miranda videtur.

594: tum sic reginam al—loquitur cunctisque repente.

647: munera praeterea I—liacis erepta ruinis.

Это напоминаетъ собою стихи:

Сѣверные вѣтры ду-
ють, гулять я не пойду.

Несомнѣнно, что элизія возможна и въ цезурѣ. Вполнѣ правильна, напр., слѣдующая скандовка:

ib. 660: incendat regin(am)—atque ossibus implicet ignem,

въ сравненіи напр. со стихомъ Горация:

exegi monument(um)—aere perennius.

Но изъ этого не слѣдуетъ, что такимъ же способомъ можно скандовать, напр., слѣдующіе стихи:

ib. 61: hoc metuens: molemqu(e)—et montes insuper altos.

П. 1, 2: *ὀβλομένην, ἣ μοῖρ'*—*Ἀχαιοὺς ἄλγε' ἔθηκεν.*

Я постѣснялся бы рекомендовать такую цезуру, которая разрываетъ слова, грамматически и логически тѣсно связанная между собою, а вмѣсто этого предпочелъ бы признать въ этихъ стихахъ просто *одинокую* *τριθημιερής*, даже вопреки ходячему требованію учебниковъ метрики, что эта цезура полагается только въ соединеніи съ *εφθημιερής*. Взамѣнъ послѣдней въ приведенныхъ двухъ стихахъ можно бы, если угодно, примѣнить такъ наз. *буколическую* цезуру (передъ *insuper altos*, *ἄλγε' ἔθηκεν*). Удивительна также скандовка съ *троханческой* цезурой въ слѣдующемъ стихѣ (стр. 55):

Aen. 1, 9: quidve dolens regina—deum tot volvere casus.

Грамматическое построеніе этого стиха само собою подсказываетъ скандовку съ двумя цезурами:

quidve dolens—regina deum—tot volvere casus.

Къ этому присоединяется еще и то, что трохайческая (женская) цезура въ латинскихъ стихахъ вообще чрезвычайно рѣдка, а потому и вообще нужно обращаться съ нею осторожно и приводить въ учебникѣ только несомнѣнные примѣры ¹⁾, а не такіе, какіе приведены у Деллена (Aen. 1, 77; Ov. met. 1, 31, 50, 66; Aen. 1, 188: *corripuit, fidus quae tela—gerebat Achilles*). Примѣненіе цезуръ у Деллена крайне шаблонно. Грамматическая и логическая связь словъ разрывается безпощадно. Указаній на стилистическое построеніе гекзаметровъ не дано никакихъ. А между тѣмъ всякій, кто имѣетъ дѣло съ латинскими гекзаметрами, не можетъ не отмѣтить по меньшей мѣрѣ слѣдующія двѣ черты построенія стиховъ у Виргилія и Овидія, важныя не только для скандовки, но подчасъ и для экзегезиса: 1) передъ цезурой весьма часто помѣщается такое слово, которое находится въ грамматическомъ или, по крайней мѣрѣ, логическомъ соотношеніи съ послѣднимъ словомъ стиха; это своего рода грамматическая рима обѣихъ половинъ гекзаметра; 2) вторая половина стиха, послѣ цезуры, очень часто заключаетъ въ себѣ лишь варіацію (иногда просто стилистическую) или пояснительное развитіе или дополненіе мысли, выраженной въ первой половинѣ стиха (ср. выше Aen. 1, 660).

Осмысленное скандованіе стиховъ должно составлять одну изъ главныхъ цѣлей всякаго элементарнаго учебника метрики, а этого въ книгѣ Деллена, къ сожалѣнію, нѣтъ. А такъ какъ она, кромѣ того, представляетъ собою только извлеченіе изъ книги Готтф. Германа, безъ малѣйшаго приспособленія къ новому направленію науки объ этой дисциплинѣ, то появленіе въ свѣтъ этой книги Деллена, да еще подъ авспиціями филологическаго общества, представляется мнѣ недостаточно яснымъ.

III. P. Terenti Hauton Timorumenos. 1879.

Это изданіе одной изъ лучшихъ комедій Теренція состоитъ изъ введенія, латинскаго текста съ подстрочными примѣчаніями, русскаго перевода и указателей.

Во введеніи представлена сперва подробная біографія Теренція, съ яснымъ и точнымъ разборомъ всѣхъ спорныхъ пунктовъ, частью въ самомъ текстѣ, частью въ обильныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

¹⁾ Напр. Aen. 2, 48: *aut aliquis latet error; equo ne credite Teucris*. Много лѣтъ тому назадъ я присутствовалъ на одной пробной лекціи въ гимназій. Какъ учитель, такъ и ученики долго возились съ этимъ стихомъ, такъ какъ, не узнавъ рѣдкостной цезуры, получали все семистопный гекзаметръ съ обычной мужской цезурой.

При этомъ главная часть этой біографіи, какъ и нужно, посвящена свѣдѣніямъ о произведеніяхъ поэта и ихъ хронологіи. Затѣмъ слѣдуютъ замѣчанія о характерѣ комедій вообще (*motoriae, statariae*) и о типичныхъ фигурахъ римской комедіи. Далѣе идетъ разсужденіе о достоинствахъ Теренція, какъ писателя, со стороны композиціи, языка и метрики, а также о древнихъ комментаторахъ комедій Теренція, о знакомствѣ съ Теренціемъ въ позднѣйшія вѣка, о рукописяхъ его произведеній и печатныхъ изданіяхъ (полный списокъ). Въ заключеніи подробно изложено содержаніе комедіи *Heautontimorumenos* и разобраны два частные вопроса, изъ которыхъ одинъ касается заглавія (авторъ требуетъ написанія: *Hautontimorumenos*, безъ *e* въ первомъ слогѣ), а другой—контаминаціи въ связи съ толкованіемъ стиховъ 4 сл. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ (всѣхъ ихъ 194) приведена обширная литература по каждому отдѣльному вопросу, при чемъ, однако, рядомъ съ дѣйствительно полезными указаніями, сказывается и обычное пристрастіе автора къ бібліографической полнотѣ пособій въ видѣ цѣлыхъ каталоговъ. Независимо отъ этой слабости, введеніе составлено умѣло и толково, хотя по своему типу вращается всецѣло только на той почвѣ, которую авторъ въ своемъ „*Prooemium*“ (см. выше) самъ назвалъ „внѣшней исторіей литературы“.

Въ комментаріи первое мѣсто, въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, принадлежитъ замѣчаніямъ по критикѣ текста. Пользуясь изданіями Zeune, Klotz'a, Fleckeisen'a, Umpfenbach'a и Wagner'a, авторъ указываетъ въ болѣе сомнительныхъ случаяхъ построеніе текста всѣхъ этихъ издателей Теренція, и, останавливаясь на томъ или иномъ способѣ, указываетъ основанія сдѣланнаго имъ выбора. Замѣчанія по критикѣ текста свидѣтельствуютъ о трезвой самостоятельности сужденія автора, но только эта самостоятельность простирается не далѣе умѣнья разбираться въ чужихъ мнѣніяхъ и выбирать изъ нихъ лучшее. Даваемый Делленомъ текстъ хорошо обоснованъ. Вездѣ онъ обращаетъ вниманіе на рукописныя данныя, отдавая предпочтеніе чтенію въ *codex Vembinus* (A). При двухъ чтеніяхъ, одинаково возможныхъ, онъ предпочитаетъ такъ называемую *lectio difficilior* (см. прим. къ ст. 980). Привлекаетъ къ сравненію данныя, извлекаемыя изъ другихъ древнихъ писателей (напр. изъ Цицерона по поводу формы зват. падежа *Chreme*, въ прим. къ ст. 75). Къ предположеніямъ о пропускѣ стиховъ (см. прим. къ ст. 2), къ атетезамъ и къ конъектуральной критикѣ (ср. ст. 48—49) онъ относится съ скептической осмотрительностью.

Слабѣе экзегетическая часть. Главный недостатокъ въ этомъ отношеніи заключается въ словоохотливости автора, заставляющей его

ходить вокругъ да около, не схватывая самой сути дѣла. Такъ напр. въ длиннѣйшемъ примѣчаніи къ ст. 174 (*huc concessero*) все дѣло сводится только къ обычнымъ въ древней комедіи техническимъ приемамъ по отношенію къ выходу на сцену новыхъ лицъ, не долженствовавшихъ сразу замѣтить лицо, которое уже раньше находилось на сценѣ. Никакихъ другихъ объясненій тутъ не нужно. Да и то объясненіе, которое даетъ Делленъ, будто Хреметъ безъ всякаго намѣренія, только изъ желанія избѣгнуть толчка дверей, *отскочилъ* въ ту сторону дверей, на которую онъ отворялись, такъ что онъ оказался заслоненнымъ открытой дверью, само по себѣ довольно наивно (старикъ Хреметъ, избѣгая толчка дверей, отскочилъ на ту сторону, куда дверь открывалась, иди какъ разъ навстрѣчу этому толчку!), да и противорѣчитъ прямому смыслу слова *concessero*, въ которомъ заключается добровольное намѣреніе отойти въ сторону и нѣтъ ничего похожего на отскакиваніе во избѣжаніе толчка дверей. Подобнымъ образомъ и примѣчаніе къ ст. 31—32 можно формулировать кратко, простымъ указаніемъ на то, что суть здѣсь не въ *currens servus* (такими они изображались вообще), а въ *decesse populum* = *cives* (что и было несообразно съ обычаями римлянъ). Въ ст. 712 (*senex voster noster*) дѣло вовсе не въ томъ, заинтересованы ли тутъ Клиній, Антифила и Дромонъ, а просто въ стилистическомъ употребленіи словъ *voster* и *noster*, не представляющемъ собою ничего особеннаго.

Стихи 3—6 пролога до сихъ поръ составляютъ *styx pililologorum*. Этому мѣсту, отъ пониманія котораго зависитъ то или иное рѣшеніе вопроса о контаминаціи этой комедіи, удѣлено Делленомъ должное вниманіе. При этомъ стихъ 6 (*duplex quae ex argumento facta est simplici*) истолкованъ Делленомъ (стр. 72), повидимому, вѣрно, согласно съ Евстафіемъ: *ut simplex argumentum sit, duplex comoedia, dum et latina eadem et graeca est*. Правда, при такомъ толкованіи получается довольно плоская игра словъ; однако, во первыхъ, и на солнцѣ бываютъ пятна и, во вторыхъ, подобная игра словъ, подчасъ даже мало остроумная, правилась римской публикѣ. За то объясненіе стиха 3 (*id primum dicam quod veni eloquar*) рѣшительно неудовлетворительно (стр. 82), уже потому, что слово *eloquar* гораздо лучше идетъ къ самому прологу, чѣмъ къ роли Хремета въ пьесѣ, которую усматриваетъ здѣсь Делленъ, по примѣру другихъ комментаторовъ. Прологъ явственно распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая касается поэта, другая (со стиха 35)—старика-актера Амбивія. Соотвѣтственно этому и стихъ 3 долженъ быть принимаемъ въ смыслѣ *partitio* для пролога же: „сперва объясню, почему *поэтъ* поручилъ мнѣ роль пролога, а затѣмъ расскажу, ради чего

я согласился принять на себя эту роль". Возражение Деллена, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы поставить сослагательныя наклоненіе (*quod venerim* = *cur venerim*), не основательно, такъ какъ изъявительное въ косвенномъ вопросѣ, при данныхъ условіяхъ, вполне уместно (см. мою статью въ Ф. О. I, 1), тѣмъ болѣе что здѣсь имѣемъ такой случай построенія придаточнаго предложенія, въ которомъ вопросительная категория весьма близко соприкасается съ относительной, такъ что даже въ классической латыни колебаніе въ употребленіи наклоненія не составляетъ ничего страннаго (см. нашъ полный „Синтаксисъ“ стр. 486 прим. 1). Кромѣ того, экзегетическая формула Деллена (*quod veni* = *ad quod eloquendum veni*; *cur venerim* sc. *ad dicendum prologum*) прямо ошибочна въ грамматическомъ отношеніи. *Quod veni* не значитъ: „для чего я пришелъ“ (т. е. ради прочтенія пролога), а, напротивъ, „относительно чего“ = по какому дѣлу, т. е. съ какой просьбой (что и объяснено въ ст. 35 сл.: *date potestatem mihi* и пр.). Выраженіе Теренція совершенно понятно. Единственное затрудненіе, заключающееся въ отсутствіи *ego* (ради стилистическаго противовѣса къ *poeta*), въ достаточной мѣрѣ извиняется стереотипнымъ характеромъ разговорнаго оборота: *quod veni*, безъ *ego*. Никакихъ экзегетическихъ натяжекъ и никакихъ конъектуръ здѣсь не нужно¹⁾.

Весьма охотно Деленъ прибѣгаетъ къ толкованію отдѣльных словъ и выраженій, однако такъ, что центръ тяжести лежитъ обыкновенно въ сухомъ перечисленіи болѣе или менѣе длиннаго ряда цитатъ, напр. по поводу *ariscor* (ст. 693), *ordine* (ст. 706), *se efferre* (ст. 709), *aetatem* (ст. 716), *scite* (ст. 729), *curriculo* (ст. 733) и мн. др. Если же дается объясненіе по существу, то оно также состоитъ главнымъ образомъ изъ выписокъ имѣвшихся у него подъ рукой комментаріевъ къ Теренцію; напр., по поводу словъ *sodes* (ст. 469) и *cedo* (ст. 332). Между тѣмъ объясненіе разныхъ выраженій по ихъ существу нерѣдко возможно въ сжатомъ видѣ; напр., объясненіе *aetatem* при помощи сравненія съ русской поговоркой: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“.

Наиболѣе слабъ грамматическій экзегезисъ. Новѣйшими трудами по индо-европейской грамматикѣ авторъ совсѣмъ не пользовался; это видно не только изъ отсутствія ссылокъ на соотвѣствующія пособия, но еще болѣе изъ характера объясненій, выходящихъ за предѣлы про-

¹⁾ Еще недавно Schoell (Rh. Mus. 1903: Zwei alte Terenzprobleme) предложилъ читать слова *primum* и *deinde* въ ст. 3 въ обратномъ порядкѣ: *id deinde dicam, primum quod veni eloquar*; слово *duplex* въ ст. 6 онъ предлагаетъ понимать въ переносномъ смыслѣ.

стого констатированія факта. Впрочемъ, въ высказываніи своихъ сужденій по грамматическимъ вопросамъ авторъ настолько остороженъ и сдержанъ, что лишь изрѣдка выдаетъ себя открыто. Такого рода, напр., его извороты, нѣсколько даже забавныя, въ оправдываніи fut. II вмѣсто fut. I въ главныхъ предложеніяхъ: напр. *juvero* вм. *juvabo* (ст. 86) „означаетъ *скорость* той помощи, которую Хреметъ обѣщаетъ“ (контекстъ не даетъ никакого указанія на какую либо скорость); *invenego* (ст. 108) „значить, что *уже теперь* готовъ плавъ его дѣйствій“ (прямой смыслъ этого мѣста свидѣлствуетъ какъ разъ о противоположномъ); *concessero* (ст. 174) указываетъ, „что въ то время, когда дверь будетъ открываться, дѣйствіе его устраненія уже будетъ окончено“ и т. п. Въ дѣйствительности, fut. II въ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ не что иное, какъ форма будущаго совершеннаго вида и, какъ таковая, можетъ свободно чередоваться съ формой будущаго несовершеннаго вида (= fut. I), въ зависимости отъ случайной интенціи говорящаго. Изворотливо также объясненіе множ. числа *liberi* (ст. 151): „хотя у Менедема былъ одинъ только сынъ, по этимъ (т. е. множ. числомъ) выражается, что Менедемъ былъ бы мягкимъ въ обращеніи со всѣми дѣтьми, если бы ихъ было у него больше“. Употребленіе слова *liberi* объ одномъ сынѣ или одной дочери встрѣчается неоднократно у разныхъ писателей, да и вообще обобщающее множ. число—явленіе довольно заурядное (ср. наши экзегетическія замѣчанія къ Катутлу ad c. 5, 4: *soles*). Частица *adeo* появляется у Деллена въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ безъ всякаго указанія связи съ этимологіей этого слова (*ad* + *eo*); такъ въ ст. 54 она означаетъ „именно“, въ ст. 173 „немедленно“, въ ст. 804 „кстати“, въ ст. 885 она равна *tantum*, въ ст. 1054=γέ или *autem* „однако“ (объ этой частицѣ ср. *Langen Beiträge zur Kritik und Erklärung des Plautus*, стр. 139 сл.).

Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра. Благодаря недостаточному знакомству Деллена съ научной литературой по грамматикѣ, его комментарий оказался свободнымъ отъ моднаго въ то время переполненія примѣчаній разными грамматическими экскурсами, не къ мѣсту, а только по поводу мѣста. Отъ подобныхъ à propos свободна также и экзегетическая часть комментарія. Тѣ немногія мѣста, которыя носятъ на себѣ подобный характеръ, вполне умѣстны въ цѣляхъ разъясненія даннаго текста, напр., замѣчаніе къ ст. 124 о *socci* или замѣчаніе къ ст. 145 о талантѣ. Вполнѣ умѣстно также обширное примѣчаніе на стр. 90 объ актахъ; примѣчаніе на стр. 77 о флейтахъ; примѣчаніе на стр. 279 о значеніи буквы Ω въ концѣ текста драматическихъ пьесъ (утвержденіе, что „послѣднимъ всегда являлся на сценѣ cantor“ должно

считать только оговоркою вмѣсто: „оставался на сценѣ“). Вообще въ этомъ отношеніи повсюду видна рука опытнаго практика.

При составленіи этого изданія авторомъ, по словамъ предисловія, руководило главнымъ образомъ желаніе „ближе познакомить образованную русскую публику съ однимъ изъ лучшихъ римскихъ комиковъ и такимъ образомъ по возможности противодѣйствовать тому предубѣжденію (?), будто бы комедіи древнихъ римлянъ не выдерживаютъ сравненія съ новѣйшими нашими комедіями и будто бы онѣ такого содержанія, что нельзя ихъ читать въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ; между тѣмъ учащіеся только по нимъ могутъ ознакомиться съ разговорнымъ языкомъ лучшаго древне-римскаго общества“. Такимъ образомъ авторъ желалъ съ одной стороны популяризировать римскую комедію среди читающей публики вообще, а съ другой—рекомендовать Теренція для гимназическаго чтенія наряду съ другими латинскими писателями. Этой цѣли, въ томъ и другомъ направленіи, долженъ служить главнымъ образомъ приложенный имъ въ концѣ книги переводъ этой пьесы на русскій языкъ. „Желая представить это изданіе въ такомъ видѣ“, говоритъ онъ далѣе въ своемъ предисловіи, „чтобы имъ могли пользоваться также учащіеся, для которыхъ готовый переводъ былъ бы слишкомъ большимъ облегченіемъ ихъ собственнаго труда, я не помѣстилъ перевода наряду съ текстомъ, но отдѣлилъ его отъ текста и комментарія такъ, что можно и не давать его въ руки учащимся. Это будетъ удобнѣе и для тѣхъ, которые, не будучи филологами, пожелаютъ прочесть лишь русскій переводъ латинской комедіи“. Судя по этому предисловію, въ своемъ переводѣ авторъ усматривалъ центръ тяжести всей книги и главную свою заслугу. Однако самъ онъ, повидимому, сознавалъ, что его переводъ не совсѣмъ удовлетворяетъ требованіямъ литературнаго чтенія, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ предисловія: „Перевести комедію Теренція такъ, чтобы не только мысли и слова поэта, но по возможности и остроты его и игра словъ были переданы разговорнымъ русскимъ языкомъ, дѣло далеко не легкое, даже для природнаго русскаго ученаго, и тѣмъ труднѣе для того, родной языкъ котораго не русскій; поэтому считаю нужнымъ просить читателей, дабы они къ этой сторонѣ моего труда относились съ особенною снисходительностью“. Независимо отъ литературнаго качества внѣшней формы, переводъ довольно удобочитаемъ и вообще правиленъ съ филологической точки зрѣнія, поскольку дѣло не касается экзегетическаго разногласія. Ошибочный переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ произошелъ, повидимому, не вслѣдствіе непониманія подлинника, а вслѣдствіе неумѣлаго примѣненія русскихъ выраженій. Такъ напр., стихи 53 сл. переведены въ

слѣдующемъ видѣ: „Хотя знакомство между нами очень недавнее, именно съ тѣхъ поръ, какъ ты купилъ здѣсь въ сосѣдствѣ поле, и хотя, *кромѣ того* (*amplius*), правда (*sane*), не было между нами никакого дѣла, однако и пр.“. Выраженіе „кромѣ того“ вовсе не передаетъ смысла латинскаго *amplius* = „помимо этого, сверхъ этого“ (т. е. сосѣдства); также и *sane* „правда“ переведено недостаточно точно, а *ferè* совсѣмъ опущено. Совершенно непонятнымъ вышло слѣдующее мѣсто (ст. 555): „какой его возрастъ, самъ видишь, и, клянусь, я могъ бы тебя, Хреметъ, *въ такомъ* (какомъ?) *случаѣ* отлично отдѣлать“. Въ подлинникѣ стоитъ: *si usus veniat*, что значитъ: „при случаѣ“; но лучше оставить конструкцію въ подлинномъ видѣ („если бы представился случай“), въ виду отвѣта Хремета: *quom usus venerit*.

При всемъ томъ книга Деллена можетъ быть рекомендована, какъ весьма полезное пособіе при чтеніи этой комедіи Теренція.

IV. Cornelii Taciti Germania. 1867.

Изданіе Германіи Тацита однородно по своему типу съ изданіемъ комедіи Теренція. Поэтому достаточно будетъ ограничиться здѣсь немногими замѣчаніями.

Въ введеніи дана сравнительно краткая біографія Тацита, причемъ обращено вниманіе особенно на достоинство Тацита, какъ чловека и историка. „Первое достоинство историческаго разсказа“, по словамъ предисловія, „есть достовѣрность, а достовѣрность разсказа зависитъ отъ наблюдательности, ума и честности повѣствователя“. Болѣе обширно изложенъ специальный отдѣлъ о Германіи. Пособія показаны въ изрядномъ количествѣ, но все же не въ такомъ подавляющемъ видѣ, такъ какъ въ виду безчисленнаго количества сочиненій о Германіи по необходимости приходилось ограничиваться извѣстнымъ выборомъ.

Текстъ Германіи заимствованъ большею частью у Тросса и Гаупта; „ибо Троссъ сообщилъ намъ текстъ самой лучшей изъ всѣхъ наличныхъ нынѣ рукописей, т. е. рукописи Понтапа, а Гауптъ, кромѣ того, сличилъ критически еще двѣ хорошія ватиканскія рукописи“. При объясненіи текста авторъ комментарія, по словамъ предисловія, „пользовался преимущественно отличными изданіями Германіи, составленными Бахомъ (въ его изданіи всѣхъ сочиненій Тацита) и Крицомъ“. На провѣрку, однако, оказывается, что главнымъ пособіемъ служилъ ему Крицъ.

Что же касается характера комментарія, то авторъ въ предисловіи заявляетъ объ этомъ слѣдующее: „Многіе издатели Германіи Тацита сообщили въ своихъ комментаріяхъ все, что только могли узнать, откуда бы то ни было, о частной и общественной жизни древнихъ

германцевъ, такъ что эти изданія Тацита сдѣлались почти сводомъ германскихъ древностей. Наша же задача—сдѣлать избранное нами сочиненіе вполне понятнымъ для читателей и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомить ихъ съ Тацитовымъ слогомъ. Поэтому мы ограничились предложеніемъ вѣрнѣйшаго, по нашему мнѣнію, текста и подробнымъ объясненіемъ болѣе трудныхъ мѣстъ его, а также всѣхъ особенностей Тацитова языка; причемъ, разумѣется, старались также сообщать изъ германскихъ древностей все, что необходимо для правильнаго пониманія предложенныхъ Тацитомъ свѣдѣній о древне-германской жизни“. Какъ видно изъ этихъ словъ, авторъ особенно подчеркиваетъ „Тацитовъ слогъ“ и „Тацитовъ языкъ“. Дѣйствительно, грамматическихъ примѣчаній тутъ очень много, чтѣ и является существеннымъ отличіемъ отъ комментарія къ Теренцію. Къ сожалѣнію, однако, эти примѣчанія страдаютъ излишнею растянутостью, вслѣдствіе ненужнаго приведенія многочисленныхъ цитатъ (напр. примѣчанія объ асс. *graeus* на стр. 165 или о значеніи герундіи на стр. 403 сл. изложены въ такомъ подробномъ видѣ, какъ будто читатель Германіи Тацита еще совсѣмъ незнакомъ съ этимъ грамматическимъ явленіемъ). Кромѣ того, Делленъ является тутъ только подражателемъ Крица, отдавашаго дань своему времени принятіемъ въ свой комментарий обширныхъ грамматическихъ экскурсовъ.

Излишнимъ многословіемъ страдаютъ и другія части комментарія. Такъ напр. вполне ясное по своему содержанію мѣсто 45-й главы сопровождается экзегетическимъ примѣчаніемъ почти на цѣлыхъ трехъ страницахъ (стр. 425—427), причемъ, какъ-бы въ оправданіе, это мѣсто объявлено „труднымъ“.

Для своего комментарія Делленъ пользуется надежными пособіями. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя толкованія врядъ-ли удачны. Такъ напр. въ главѣ 38 выраженіе: *in ipso solo religant (capillum)* объяснено, согласно съ Крицомъ, въ томъ смыслѣ, что тутъ рѣчь идетъ о плѣшивыхъ старикахъ и что, слѣдовательно, *solus* означаетъ „плѣшивый“ (!). Однако, не говоря даже о куріозности такого толкованія слова *solus* (въ подражаніе оборотамъ, въ родѣ *loca sola*), самый текстъ ясно говоритъ о *horrentem capillum* (слѣдовательно, вовсе не о плѣши) и о томъ, что это было у свебовъ *usque ad canitiem* (слѣдовательно, не въ одномъ лишь старомъ возрастѣ). Подобныхъ мѣстъ, въ которыхъ авторъ принимаетъ во вниманіе болѣе свои пособія, чѣмъ комментируемый текстъ, довольно много.

Своеобразно отношеніе автора къ мифологическимъ вопросамъ. Такъ напр. на стр. 97 онъ утверждаетъ, будто „известно, что носъ корабля на мѣдныхъ римскихъ монетахъ не что иное, какъ символъ

поклоненія Сатурну“. Въ дѣйствительности, это только гипотеза Варрона. На стр. 36 разбирается упоминаніе Одиссея въ 3-ей главѣ такимъ образомъ, какъ будто тутъ въ самомъ дѣлѣ пребываніе Одиссея въ Германіи составляетъ нѣчто въ родѣ историческаго факта. Между тѣмъ рѣчь идетъ о границѣ Германіи и Ретіи, а въ послѣдней странѣ встрѣчались этрусскія надписи, принимаемыя по штифту за старинныя греческія, съ этрусскимъ именемъ Ларта, подавшимъ поводъ къ перетолкованію въ имя Лаэрта, отца Одиссея, и къ выведенному отсюда мнѣнію, что Одиссей, сынъ Лаэрта, во время своихъ странствованій успѣлъ побывать и въ Ретіи.

Вообще комментариемъ Деллена въ Германіи Тацита можно пользоваться только съ соблюденіемъ надлежащей критики.

V. *Carmen saeculare Horatii*. 1865.

Этого сочиненія Деллена я не имѣлъ подъ руками. Въ предисловіи къ Германіи самъ онъ говоритъ объ этомъ своемъ трудѣ слѣдующее: „Представляя на судъ ученой русской публики Германію Тацита въ русскомъ изданіи, считаю нужнымъ замѣтить, что этотъ трудъ мой, по цѣли, по обработкѣ и по самому роду своему, не отступаетъ отъ изданнаго мною въ 1865 году Юбилейнаго гимна Горация. Поэтому излишне повторять здѣсь мысли, высказанныя мною въ предисловіи къ гимну“.

VI. Разборъ сочиненія Ешевскаго 1856.

VII. Краткій очеркъ греческой литературы 1851.

VIII. *Historiae litterarum Romanorum summarium*.

Первые два труда Деллена мнѣ совершенно неизвѣстны. О послѣднемъ же сочиненіи въ дѣлахъ Харьковскаго Университета сохранились слѣдующія свѣдѣнія. Въ 1872 году, 10 февраля, деканъ Историко-филологическаго факультета Н. Лавровскій вошелъ въ Совѣтъ Университета съ ходатайствомъ о напечатаніи сочиненія Деллена, подъ выше указаннымъ заглавіемъ, на казенный счетъ въ прибавленіяхъ къ протоколамъ совѣтскихъ засѣданій. Однако опредѣленія Совѣта по этому предмету не состоялось, такъ какъ авторъ взялъ свое сочиненіе обратно, сдѣлавъ на поляхъ представленія декана слѣдующую приписку: „По измѣнившимся обстоятельствамъ не желаю теперь печатать это сочиненіе. Сочиненіе получилъ назадъ. А. Делленъ“.

XI. Рукописи А. К. Деллена.

Когда я однажды посѣтилъ Деллена на дому (по Екатеринославской улицѣ), онъ мнѣ показывалъ кину рукописей, чрезвычайно аккуратно

сложенныхъ на письменномъ столѣ въ картонныхъ коробкахъ. Одну изъ этихъ рукописей, чисто переписанную, онъ вынулъ изъ футляра и, перелистывая ее, съ видимымъ удовольствіемъ обращалъ мое вниманіе на мѣста, подчеркнутыя различными чернилами всѣхъ цвѣтовъ радуги. Эта рукопись, на латинскомъ языкѣ, относилась къ разряду римскихъ древностей, а разные цвѣта чернилъ въ ней показывали, къ какому отдѣлу древностей принадлежитъ каждое отдѣльное мѣсто въ частности. Въ настоящее время помню только одно выраженіе, подчеркнутое, если не ошибаюсь, зеленымъ черниломъ: *annus confusionis ultimus*. Дѣло касалось реформы римскаго календаря при Цезарѣ, и зеленныя чернила означали принадлежность этого мѣста къ числу свѣдѣній о календарномъ дѣлѣ. Остальныхъ рукописей, которыхъ, судя по коробкамъ на столѣ, было значительное количество, я не видѣлъ и дальнѣйшая ихъ судьба мнѣ неизвѣстна. Это мое воспоминаніе относится ко времени послѣ изданія послѣдняго его печатнаго труда (Теренція), экземпляръ котораго я тогда же получилъ отъ автора въ отвѣтъ на приношеніе моихъ трудовъ.

X. Beiträge zur Kritik und Erklärung des Juvenalis. 1846.

Это обширное сочиненіе (426 страницъ), посвященное критико-экзегетическимъ замѣчаніямъ къ сатирамъ Ювенала, по словамъ предисловія, явилось плодомъ многолѣтнихъ занятій этимъ авторомъ со стороны Деллена, который первоначально возымѣлъ намѣреніе переиздать текстъ Ювенала въ критически провѣренномъ видѣ съ присоединеніемъ къ тексту сжатаго комментарія. Однако, такъ какъ переизданіе текста безъ сличенія подлинныхъ рукописей оказывалось невозможнымъ, то онъ рѣшилъ измѣнить свой планъ и, вмѣсто текста съ краткимъ комментаріемъ, издать свои замѣтки къ отдѣльнымъ мѣстамъ *in extenso* въ томъ видѣ, какъ онѣ составились у него для собственныхъ его надобностей. Поэтому онѣ и вышли въ значительной степени расплывчатыми, въ чемъ онъ и извиняется въ заключительныхъ словахъ своего предисловія.

При этомъ, однако, онъ принялъ въ свою книгу не всѣ накопившіяся у него замѣтки, а только такія, въ которыхъ онъ высказывалъ мнѣнія, отличныя отъ мнѣній предшественниковъ или же отстаивалъ чужое, но отвергаемое, мнѣніе (*in deren Erklärung ich entweder von allen andern Auslegern gänzlich abgewichen bin, oder Wichtiges zur Bestätigung einer bestrittenen, mir jedoch richtig scheinenden Meinung irgend eines Auslegers hinzuzufügen hatte*).

Собственному разбору спорныхъ мѣстъ Юенала предпосла-
вено критическое обзорѣніе трудовъ предшественниковъ Деллена (стр. 1—241)
среди которыхъ наиболѣе вниманія удѣлено Гейнриху. Затѣмъ слѣдуетъ
разборъ слѣдующихъ мѣстъ:

sat.	1,	30— 33 (стр.	22):	causidici lectica Mathonis plena ipsa
"	1,	81— 89 (стр.	31):	nudas Pyrrha puellas; alea hos animos
"	1,	94— 96 (стр.	38):	о спортулахъ.
"	1,	97— 81 (стр.	56):	praeco = nomenclator.
"	1,	123—126 (стр.	65):	profer, Galla, caput.
"	1,	135—141 (стр.	67):	una mensa.
"	1,	144—156 (стр.	73):	iratis amicis = ab iratis amicis.
"	2,	14— 15 (стр.	75):	supercilio brevior coma.
"	2,	124—126 (стр.	76):	arcano.
"	2,	140—142 (стр.	78):	turgida = gravis.
"	3,	40— 47 (стр.	79):	ranarum viscera nunquam inspexi.
"	3,	92—100 (стр.	83):	melior comoedus.
"	3,	106—108 (стр.	87):	trulla aurea.
"	3,	183—189 (стр.	93):	plena domus libis venalibus.
"	3,	197—202 (стр.	99):	vivendum est illic, ubi nulla incen-
dia и пр.
"	3,	220—222 (стр.	105):	orbis lautissimus.
"	4,	13— 14 (стр.	108):	decebat.
"	4,	60— 63 (стр.	109):	utque lacus suberant.
"	4,	96— 97 (стр.	111):	sed olim prodigio par est in nobilitate
senectus.
"	5,	43— 55 (стр.	112):	in vaginæ fronte.
"	5,	76— 79 (стр.	113):	scilicet hoc fuerat и пр.
"	5,	168—169 (стр.	114):	stricto pane.
"	6,	582—592 (стр.	115):	poppysma.
"	7,	88— 89 (стр.	123):	semestri auro.
"	8,	62— 63 (стр.	128):	Corythae.
"	8,	105—106 (стр.	129):	inde Dolabella est atque hinc Antonius.
"	9,	56— 57 (стр.	133):	suspectumque jugum.
"	10,	188—189 (стр.	143):	hoc recto vultu.
"	11,	165—166 (стр.	147):	о мѣстѣ этихъ стиховъ.
"	11,	203—204 (стр.	164):	nostra contracta cuticula effugiat
togam.
"	12,	17— 29 (стр.	168):	объ интерпункціи и разночтеніяхъ.
"	12,	30— 34 (стр.	187):	arboris incertae.
"	12,	48— 51 (стр.	204):	quidam.

- sat. 13, 124—125 (стр. 214): *discipulo Philippi*.
 „ 14, 129—133 (стр. 216): *signatam*.
 „ 15-я сатира (ст. 217—251): общая статья о подлинности этой сатиры.
 „ 15, 1— 8 (стр. 252): *illic caeruleos, hic pisces fluminis*.
 „ 15, 13— 26 (стр. 256): *Cyaneis* и др.
 „ 15, 27— 32 (стр. 269): *consule Junio; super moenia Copti*.
 „ 15, 33— 35 (стр. 279): *Ombos et Tentyra*.
 „ 15, 35— 38 (стр. 319): *summus utrimque furor* и пр.
 „ 15, 38— 51 (стр. 321): *horrida Canoro*.
 „ 15, 51— 60 (стр. 362): о борьбѣ омбитовъ и тентиритовъ.
 „ 15, 62— 72 (стр. 364): о контекстѣ этого мѣста.
 „ 15, 72— 78 (стр. 369): о конструкции этихъ стиховъ.
 „ 15, 84— 92 (стр. 375): общій смыслъ этого мѣста.
 „ 15, 124—128 (стр. 384): о тенденціи этого мѣста.
 „ 15, 131—137 (стр. 386): *causam dicentis amici*.
 „ 16-ая сатира (стр. 404): о характерѣ этой сатиры и отдѣльныхъ ея мѣстъ.
 „ 15-ая сат. (стр. 422—426): общая статья о подлинности этой сатиры.

Какъ видно уже изъ этого перечня объясненныхъ Делленомъ мѣстъ въ сатирахъ Ювенала, трудъ его представляетъ собою весьма солидное пособіе по экзегезису нелегкаго автора. Правда, замѣчанія Деллена распределены по отдѣльнымъ сатирамъ далеко не равномерно. Большая половина всего сочиненія посвящена 15-ой сатирѣ (съ 217—422 стр.): сперва рассмотрѣнъ очень обстоятельно вопросъ о подлинности этой сатиры, затѣмъ перебраны по частямъ почти все 174 стиха и, наконецъ, снова дано обзорѣніе всей сатиры съ указаніемъ смысла отдѣльныхъ ея частей. Сравнительно много вниманія удѣлено, кромѣ того, сатирамъ 1-ой (съ 22—75 стр.), 3-ей (съ 79—108 стр.) и 12-ой (съ 168—214 стр.). Для остальныхъ же сатиръ даны лишь кое-какія мелкія замѣтки: по три для 2-ой, 4-ой и 5-ой, по двѣ для 8-ой и 11-ой и по одной для 6, 7, 9, 10, 13 и 14; о 16-ой сообщается лишь нѣсколько историко-литературныхъ замѣчаній въ пользу ея подлинности.

Главная черта этого сочиненія, по существу дѣла, заключается въ консервативномъ направленіи въ области критики текста. Это та же черта, которою отличаются и все послѣдующіе труды автора по экзегезису древнихъ писателей. Весьма удачно проводится мысль, что безъ всякой нужды заподозриваются не только отдѣльные мѣста Ювенала, но даже и цѣлыя сатиры, особенно 15-ая и 16-ая. Теперь, когда про-

шелъ періодъ увлеченія „высшей критикой“ и когда уже никто не сомнѣвается въ принадлежности, напр., 15-ой и 16-ой сатиръ Ювеналу (Фриндлендеръ даже называетъ послѣднюю сатиру лучшимъ изъ позднѣйшихъ произведеній Ювенала), трудъ Деллена, какъ главнымъ образомъ полемическій, потерялъ уже существенную часть своего значенія. Но по тому времени заслуги его, безъ сомнѣнія, немалыя. Нужно было, вѣдь, обладать достаточнымъ мужествомъ для того, чтобы идти наперекоръ теченію времени и не увлекаться тѣмъ, чѣмъ увлекались даже болѣе крупные таланты. Много ему помогало въ этомъ отношеніи его трезво-практическій умъ, лишенный всякаго полета фантазій.

Напротивъ, собственно экзегетическія толкованія въ значительной степени сохраняютъ свое значеніе до сихъ поръ. Въ комментаріи Вейднера (1-е изданіе вышло въ 1873 году) бѣльшая часть мѣстъ Ювенала, разобранныхъ Делленомъ, толкуются согласно съ послѣднимъ и съ ссылками на него. Изъ Вейднера кое-что перешло и къ новѣйшему комментатору Ювенала, Фридендеру (напр. толкованіе sat. 4, 60, найденное, впрочемъ, Делленомъ при содѣйствіи его кіевскаго товарища по каедрѣ, Нейкирха¹⁾). Правда, многое у Деллена только гадательно, и даже прямо неудачно (напр. въ толкованіи sat. 3, 106—108, дающемъ, кстати сказать, излишне грубую картину, выраженіе *inverso fundo* принято въ невозможномъ лексическомъ смыслѣ). Однако если Фридендеръ (стр. 97) причисляетъ трудъ Деллена къ числу тѣхъ, которые принесли мало пользы для пониманія сатиръ Ювенала, то это произошло, повидимому, вслѣдствіе того, что онъ не читалъ этого труда съ должнымъ вниманіемъ.

Чтеніе же книги Деллена о Ювеналѣ, дѣйствительно, не особенно пріятно. Вслѣдствіе чрезмѣрной болтливости автора трудно уловить суть дѣла, такъ что, по прочтеніи статьи, приходится снова пробѣгать ее ради отысканія сути. На это обстоятельство жаловался еще Вейднеръ (стр. 27): *Durch Heinrich's Commentar veranlasst sind „Beiträge zur Kritik und Erklärung der satiren des Iuvenalis“ von A. L. Döllen, ein gründliches und verdienstvolles Werk, welches nur durch die leider allzu breite Darstellung etwas ungeniessbar wird.* Въ частности же по отношенію къ 15 сатирѣ Вейднеръ (стр. 292) выражается болѣе рѣзко: *Dagegen Döllen, dessen Breite der Darstellung freilich unerträglich ist.* Фридендеръ (стр. 97) высказывается слѣдующимъ образомъ: „Die

¹⁾ Но, впрочемъ, Нейкирхъ и Делленъ представляли себѣ мѣсто албанской виллы Домиціана, повидимому, по ту сторону озера, на склонѣ албанской горы, въ то время какъ она находилась по сю сторону, подлѣ *via Appia*, на *Ager Albanus*.

Ausgabe von E. W. Weber förderte das Verständniss Iuvenals nicht erheblich; ebenso wenig die *weitläufigen* Beiträge von A. L. Dölln“.

Это сочинение, изданное въ 1846 г., много лѣтъ спустя, въ 1863 г., представлено авторомъ въ кievскомъ университетѣ для приобрѣтенія степени доктора классической филологіи. Причина такого необыкновеннаго промедленія мнѣ неизвѣстна.

XI. De vita Livii Andronici. 1838.

Небольшая диссертация о Ливіи Андроникѣ (всего 46 страницъ малаго формата) въ существенной своей части, начиная съ 12-й страницы, производитъ весьма выгодное впечатлѣніе, не смотря на то, что она является собственно только проверкой взглядовъ Озанна, да и вообще составлена при помощи немногочисленныхъ пособій.

Предметомъ этой диссертации служитъ критическое освѣщеніе сохранившихся изъ древности свѣдѣній о жизни Андроника и оцѣнка мнѣній, высказанныхъ по отдѣльнымъ вопросамъ учеными новыхъ временъ.

Сперва (стр. 12) онъ перечисляетъ всѣ мѣста древнихъ авторовъ, въ которыхъ упоминается о Ливіи, какъ о древнѣйшемъ римскомъ писателѣ. При этомъ онъ возражаетъ противъ причисленія сюда же также и Quintil. 10, 2, 7.

Затѣмъ (стр. 13—17) онъ проверяетъ ссылки Озанна на свидѣтельства древнихъ авторовъ объ отношеніи римлянъ къ Ливію Андронику, какъ писателю, и указываетъ неправильность вывода, что его мало цѣнили.

Далѣе (стр. 17—20) разбираетъ вопросъ о томъ, ставились ли пьесы Ливія и впослѣдствіи на сценѣ, и соглашается съ отрицательнымъ рѣшеніемъ этого вопроса у Озанна, но находитъ, что приведенныя Озанномъ свидѣтельства въ пользу такого мнѣнія подобраны имъ неудачно.

Съ Озанномъ онъ соглашается также въ томъ, что біографическія данныя о Ливіи изъ времени, предшествовавшаго завоеванію Тарента, не что иное, какъ неосновательная догадка: о его родѣ и родинѣ ничего неизвѣстно, какъ неизвѣстенъ и точный годъ его рожденія (стр. 20—25). Озаннъ высказалъ предположеніе, что Ливій Андроникъ—внукъ трагедя Андроника, у котораго Демосѣенъ учился декламации; однако Делленъ находитъ, что это мнѣніе основано всецѣло лишь на тождествѣ именъ. Озаннъ считалъ далѣе правдоподобнымъ, что Ливій родился въ Тарентѣ. Делленъ, не отрицая такой возможности, опровергаетъ приводимые Озанномъ доводы въ пользу своего мнѣнія. Даже о томъ, что Ливій по происхожденію былъ грекъ, не имѣется другого свидѣтельства, кромѣ

его греческаго имени Андроникъ; но Деллену очень нравится конъектура Озанна къ Fest. s. v. Solitaurilia, гдѣ Энній названъ грекомъ. Озаннъ предлагалъ замѣнить здѣсь имя Эннія именемъ Ливія.

Вполнѣ достовѣрно только то, что Андроникъ попалъ въ плѣнъ къ римлянамъ во время взятія Тарента. А такъ какъ римляне брали Тарентъ два раза, въ 272 году и въ 209 году, то возникаетъ вопросъ, къ какому изъ этихъ двухъ годовъ должно быть приурочено взятіе въ плѣнъ Андроника. Вторую дату принималъ Аттій, но Цицеронъ (Brut. 18, 72) рѣшительно оспариваетъ это мнѣніе. Правильность заявленія Цицерона подтверждена у Озанна сопоставленіемъ даты 272 года съ данными изъ жизни Катона, и Делленъ цѣликомъ соглашается съ доказательствами Озанна, но въ отличіе отъ Озанна полагаетъ, что Андронику тогда могло быть не болѣе 25 лѣтъ (стр. 25—27).

Въ качествѣ военнопленнаго, Андроникъ въ Римѣ проданъ былъ въ рабство, но былъ потомъ отпущенъ на волю и получилъ свое римское имя Livius по имени своего патрона. По Иерониму, Андроникъ получилъ свободу отъ Ливія Салипатора, при дѣтяхъ котораго онъ состоялъ учителемъ. Изъ разныхъ Ливіевъ и въ частности Ливіевъ Салипаторовъ, упоминаемыхъ историкомъ Ливіемъ во 2 и 3 декадахъ, Делленъ принимаетъ М. Ливія, получившаго впервые прозваніе Salinator за то, что въ 204 году ввелъ налогъ на соль (Liv. 29, 37), въ то время какъ другіе ученые принимали сына перваго Салипатора, Гая, бывшаго консуломъ въ 188 году, а Озаннъ принималъ М. (или С.) Ливія Матата (стр. 28—32).

Вопросъ о граепомен Ливія Андроника Делленъ (стр. 33—36) рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что чтеніе L. Livius у Геллія и Феста произошло путемъ повторенія первой буквы имени Livius, чтеніе же T. Livius явилось вслѣдствіе смѣшенія съ историкомъ Т. Ливіемъ. Напротивъ, чтеніе M. Livius нигдѣ не встрѣчается, вслѣдствіе чего Делленъ и полагаетъ, что Андроникъ принялъ отъ своего патрона одно только помен, безъ граепомен.

Съ особенною тщательностью рассмотрѣнъ вопросъ о томъ, въ какомъ году Ливій поставилъ первую свою драматическую пьесу (стр. 36—45). На основаніи свидѣтельствъ Цицерона и Геллія Делленъ приходитъ къ заключенію, что это было въ 240 году (514 а. у. с.). Протирорѣчивыя показанія древнихъ, по мнѣнію Деллена, частью ошибочны (Кассіодоръ, Иеронимъ), частью невѣрно толкуются (Liv. 7, 2). Новѣйшіе ученые, мнѣнія которыхъ приведены у Деллена, колеблются между годами 512, 513, 514 а. у. с. Средній изъ этихъ годовъ (513) принималъ Озаннъ, мнѣніе котораго Делленъ опровергалъ подробно.

Напротивъ, онъ соглашается съ Озанномъ въ томъ, что игры, во время которыхъ поставлена была первая пьеса Ливія, происходили подъ предѣдательствомъ городского претора, а не эдиловъ, и что это были *Ludi Romani* (стр. 45—46).

Въ своихъ пьесахъ Ливій Андроникъ самъ выступалъ на главныхъ роляхъ (стр. 47). По разсказу историка Ливія (7, 2), Андронику на старости лѣтъ разрѣшено было только жестикулировать при исполненіи кантиковъ (*cantica*), въ то время какъ самое пѣніе поручалось особому молодому пѣвцу. Къ этому разсказу Делленъ относится съ довѣріемъ, полагая, что дѣйствительно могло быть таково начало возникновенія этого обычая. Однако разсказъ историка Ливія сильно похожъ на этиологическую легенду, построенную римскими археологами на основаніи личныхъ догадокъ. Въ дѣйствительности этотъ обычай, вѣроятно, существовалъ уже раньше у грековъ. Да и причина врядъ-ли заключалась въ дряхлости актера, а скорѣе въ томъ, что не всякій хорошій актеръ бываетъ въ то же время и хорошимъ пѣвцомъ.

Годъ смерти Ливія Андроника неизвѣстенъ; но во всякомъ случаѣ онъ жилъ еще въ 207 году, когда составилъ гимнъ для общественнаго торжества (стр. 50 сл.).

Таково содержаніе существенной части этой диссертациі. Результаты ея настолько удачно обставлены, что главныя положенія приняты цѣликомъ послѣдующими составителями исторіи римской литературы (напр. Тейффелемъ, Модестовымъ). Также и форма этой диссертациі совершенно ясна и отчетлива, безъ излишняго многословія, столь характеристичнаго для позднѣйшихъ трудовъ Деллена, въ томъ числѣ особенно его докторской диссертациі. Диссертациа о Ливіи Андроникѣ представляетъ собою переработку кандидатскаго сочиненія, написаннаго авторомъ еще въ бытность его студентомъ подъ руководствомъ своихъ профессоровъ, вліянію которыхъ и можно приписать указанную формальную особенность этого перваго печатнаго труда начинавшаго свою дѣятельность ученаго.

Кромѣ изложенной выше существенной части содержанія, въ этой диссертациі заключается еще небольшое вступленіе (стр. 7—11), въ которомъ представлена характеристика римскаго народа и изложены зачатки римской письменности. Достоинство этого вступленія діаметрально противоположно достоинству главной части. Изложеніе началъ письменности состоитъ почти изъ сплошныхъ куріозовъ. По заявленію Деллена, въ стихахъ слагались у римлянъ не только молитвы и обѣты, но и *augurum vaticinationes* (авгурскихъ пророчествъ никогда и въ поминѣ не было) и даже мирные договоры (!); авторъ, очевидно, основывается

тутъ на плохо понятомъ терминѣ *sargmen*. Въ пѣсняхъ саліевъ прославлялись-де не только боги и богини, но и Римъ и подвиги древнихъ героевъ, а начало этимъ пѣснямъ саліевъ, а равно и пѣснямъ арвальскихъ братьевъ положено вслѣдъ за основаніемъ Рима (*Romae nuper conditae*). Старинная поэзія, написанная въ сатурническомъ размѣрѣ, проникали въ Римъ не то изъ Этруріи, не то изъ Великой Греціи; противъ *fescennini* приняты были мѣры будто бы еще законами децемвировъ. Начало сценическихъ представленій въ Римѣ изложено у Д-на въ формѣ пересказа извѣстнаго мѣста историка Ливія. Судя по словамъ предисловія, авторъ ставилъ очень высоко эту свою реконструкцію долитературнаго періода римской словесности. Подобные некритическіе взгляды на это дѣло повторены имъ и подробно развиты, 30 лѣтъ спустя, въ его *Prooemium* (см. выше). Если же онъ далѣе по поводу Ливія Андроника утверждаетъ, что *non vetustiore ullum fuisse poetam Romanum omnes consentiunt veteres scriptores*, то это уже прямо фактическая ошибка, такъ какъ римскіе авторы (напр. *Cic. Tusc. 4, 2, 4*) упоминаютъ о болѣе древнемъ поэтѣ, именно о знаменитомъ цензорѣ Анніи Клавдіи.

XII. De fabula Livii Andronici, quae inscribitur Aegisthus. 1838.

Въ предисловіи къ диссертациі о Ливіи Андроникѣ Делленъ заявлялъ о своемъ намѣреніи выпустить, въ видѣ дополненія къ біографіи Ливія, также и разборъ фрагментовъ его сочиненій. Это его намѣреніе не осуществилось, за исключеніемъ только разбора фрагментовъ трагедіи Эгисѳа, вышедшаго въ качествѣ программной статьи (8 стр. въ 4-ую долю листа) въ „*Einladung zur öffentlichen Prüfung und feierlichen Entlassung im hiesigen (Riga) Gymnasium am 4. und 5. Julius und zu den öffentlichen Prüfungen in der Dom—und in der russischen Kreisschule am 6. Julius, in der zweiten Kreisschule am 7. Julius*“.

Фрагменты Эгисѳа проредактированы въ слѣдующемъ видѣ (ср. собраніе фрагментовъ *L. Livii Andronici* въ изданіи *H. Düntzer'a. 1835*):

I.*Nam ut Pérgama accénsa et praeda intéр participes aéquiter partita est.*

II. *Tum autém lascivum Nérei simúm pecus.*

III.*In sedes collocat sé regias Clytemnéstra iuxtim, tértias natae occupant.*

IV. *Solémnitusque adeó litat et audét lubens.*

V. ...*Ipse in terram saúcius fligit cadens.*

VI. *Jamne óculos specie laétavisti optábili?*

VII. ...*Némo haec nostrae rúminetur múlieri.*

VIII. ...Quin. quod parére vos maiestás mea procát, toleratis témploque hanc dedúcitís?

Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ этой же „Einladung“, видно, что въ рижской гимназiи, въ 1838, Делленъ (Herr Oberlehrer Döllen) преподавалъ слѣдующiе предметы: въ секундѣ „Deutsche Litterär—Geschichte“; въ квартѣ „Deutsche Sprache“; въ квинтѣ „Rechnen“.

Въ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ сочиненiяхъ Деллена по классической филологiи обнаружилась, какъ главное положительное достоинство ихъ автора, разсудительная, болѣе или менѣе умѣлая, оцѣнка чужихъ мнѣнiй. Самостоятельнымъ же изслѣдователемъ онъ не оказывается вплоть даже въ тѣхъ отдѣлахъ классической филологiи, которые были ему наиболѣе доступны по характеру его познанiй. Но внѣ этой области есть, по крайней мѣрѣ, одно сочиненiе, самостоятельно составленное имъ отъ начала до конца и притомъ, что особенно любопытно, безъ излишняго многословія. Этотъ трудъ посвященъ педагогикѣ.

XIII. Der erste Unterricht. 1865.

Дѣло касается начальнаго обученiя дѣтей отъ первыхъ началъ грамоты до поступленiя въ гимназiю. По словамъ предисловія, Делленъ самъ обучалъ грамотѣ своихъ и нѣкоторыхъ другихъ дѣтей, въ трехъ группахъ, въ разное время, и такимъ образомъ, три раза проводилъ на дѣлѣ и провѣрялъ рекомендуемый имъ въ этомъ сочиненiи методъ. При этомъ онъ не пользовался никакими указанiями и совѣтами педагогической литературы, да и не старался даже ознакомиться съ ней; болѣшую часть всего того, что онъ излагаетъ въ своемъ сочиненiи, онъ нашелъ самъ, путемъ собственныхъ своихъ соображенiй и наблюденiй, на основанiи собственнаго своего опыта. Къ изданiю въ печати своего метода авторъ приступилъ по настоянiю многихъ его знакомыхъ.

Все это, довольно обширное, сочиненiе (257 страницъ), разбито авторомъ на 30 главъ съ слѣдующимъ содержанiемъ:

Гл. I. Въ чемъ заключаются главныя причины того, что наша молодежь, вышедшая изъ школъ, оказывается столь мало развитой.

Гл. II. О воспитанiи, признаваемомъ вообще хорошимъ, но въ дѣйствительности оказывающемся плохимъ.

Гл. III. Правильное обученiе дѣтей не должно начинаться прямо съ ученiя чтенiю.

Гл. IV. Первоначальное обученiе требуетъ особенно хорошихъ учителей. Авторъ поясняетъ качества такихъ учителей и указываетъ, гдѣ всегда возможно найти наилучшихъ и наименѣ дорогихъ учителей грамоты. Элементарное преподаванiе вовсе не составляетъ скучнаго

занятія, если только дѣло ведется такъ, какъ слѣдуетъ. Излагаются выгоды, получаемыя всякимъ, кто будетъ придерживаться благихъ со- вѣтовъ автора этой книги.

Гл. V. Далеко не безразлично, какъ учить грамотѣ. Правильной постановкой первоначальнаго обученія предупреждается развитіе дурныхъ привычекъ въ чтеніи и въ письмѣ, а также достигаются другія, болѣе важныя, послѣдствія.

Гл. VI. Искусное чтеніе и письмо и хорошее умѣнье считать являются главными условіями успѣховъ въ дальнѣйшемъ ученіи, а по- тому должны пріобрѣтаться съ первой же ступени учебныхъ занятій.

Гл. VII. Ученіе и воспитаніе нераздѣльны. Игры представляютъ собою важное образовательное и воспитательное средство.

Гл. VIII. Когда и съ чего начинать первоначальное ученіе. Авторъ указываетъ продолжительность, распредѣленіе и цѣль этихъ первыхъ занятій.

Гл. IX. О первомъ періодѣ элементарнаго ученія. О наглядномъ обученіи и о томъ, что нужно соблюдать при наглядномъ обученіи. Невнимательные ученики въ разныхъ случаяхъ требуютъ различнаго отношенія къ нимъ.

Гл. X. Образчикъ перваго урока нагляднаго обученія при одномъ ученикѣ.

Гл. XI. Кое о чемъ, что нужно соблюдать при ученіи вообще и при наглядномъ въ частности. О первой школьной постановкѣ и о первой тетради ученика.

Гл. XII. Обученіе пѣнію и подготовительныя занятія по ариѳметикѣ, рисованію и чистописанію. Объ обученіи иностраннымъ языкамъ въ первый періодъ элементарныхъ занятій.

Гл. XIII. Второй періодъ элементарнаго обученія. Наглядное обученіе по простымъ картинамъ. Продолженіе занятій по пѣнію и нумераціи. Рисованіе несложныхъ предметовъ и упражненія въ картинномъ письмѣ (на подобіе ребусовъ). Занятія по иностраннымъ языкамъ.

Гл. XIV. Соединеніе нагляднаго обученія съ упражненіями въ картинномъ письмѣ. Опрятность составляетъ необходимое условіе во всѣхъ письменныхъ упражненіяхъ. Образчикъ урока нагляднаго обученія во второй періодъ элементарныхъ учебныхъ занятій.

Гл. XV. Третій періодъ элементарнаго обученія. Продолженіе нагляднаго ученія. Чтеніе и писаніе буквъ.

Гл. XVI. Образчики двухъ уроковъ начальнаго ученія чтенію и писанію буквенныхъ знаковъ.

Гл. XVII. Кое о чемъ, что нужно соблюдать при первоначальномъ обученіи чтенію и письму, для того чтобы это ученіе было и основательно и успѣшно.

Гл. XVIII. Объ обученіи ариметикѣ, музыкѣ, рисованію, иностраннымъ языкамъ и закону Божію въ третій періодъ элементарнаго ученія.

Гл. XIX. Четвертый періодъ элементарнаго обученія. Чтеніе по нѣмецкому, русскому и французскому языкамъ. Переводы съ одного изъ этихъ языковъ на другой и заучиваніе стихотвореній на всѣхъ трехъ языкахъ.

Гл. XX. Упражненія по чистописанію на нѣмецкомъ, русскомъ и французскомъ языкахъ.

Гл. XXI. Наглядное обученіе и использование его для письменныхъ упражненій въ четвертый періодъ элементарнаго ученія.

Гл. XXII. Два образца маленькихъ письменныхъ упражненій по картинамъ нагляднаго обученія, съ объяснительной бесѣдой учителя съ ученикомъ и исправленіемъ обоихъ этихъ сочиненій.

Гл. XXIII. Упражненія въ составленіи писемъ. Наглядное обученіе, какъ лучшее средство для развитія мышленія.

Гл. XXIV. Образцы трехъ уроковъ нагляднаго обученія въ четвертый періодъ ученія.

Гл. XXV. Законъ Божій, музыка и рисованіе въ четвертый періодъ элементарнаго обученія.

Гл. XXVI. Ариметика въ четвертый періодъ ученія. Объ одномъ удивительномъ числѣ ¹⁾. О волшебныхъ квадратахъ.

¹⁾ Дѣло касается числа 142857, обозначаемого авторомъ для краткости буквой у. Если переставить первую (лѣвую) цифру на конецъ числа и продолжать постепенно такую перестановку до тѣхъ поръ, пока не получится число у, то составившееся отъ первой перестановки число 428571 будетъ въ 3 раза больше числа у; при второй перестановкѣ получится 285714, а это будетъ въ 2 раза больше числа у; при третьей перестановкѣ 857142, въ 6 разъ больше у; при четвертой—571428, въ 4 раза больше, при пятой—714285, въ 5 разъ больше; если же помножить число у на 7, то получится 999999. Также и въ томъ случаѣ, если сложить число у съ числомъ третьей перестановки (142852+857142) или число первой перестановки съ четвертой (428571+571428) или второй перестановки съ пятой (285714+714285), то получается неизмѣнно число 999999. Удивительное качество числа у заключается дадѣ въ томъ, что помноженіе его на 2, 3, 4, 5 или 6 можно получить путемъ механической работы. Также и для помноженія на любое высшее число указанъ упрощенный, полумеханическій, способъ.

Волшебные квадраты не объяснены, а указаны только пособія: Ulbricht (Quèdlinburg 1854) „Wunderbare Rechenkünste. Eine Sammlung auserlesener arithmetischer Kunstaufgaben, unter besonderer Berücksichtigung der Zauber-Quadrate“ и „Anleitung zur leichten Anfertigung der wunderbaren Zauber-Quadrate“.

Гл. XXVII. Объ интензивности ученія и о мнемоникѣ.

Гл. XXVIII. О томъ, что рекомендуемый въ этой книгѣ способъ ученія не сопряженъ съ опасностью для здоровья учащихся. О ежедневныхъ занятіяхъ дѣтей въ четвертый періодъ ученія.

Гл. XXIX. Совѣты объ уходѣ за своей внѣшностью со стороны дѣтей.

Гл. XXX. Какъ быть съ дѣтьми, окончившими курсъ элементарнаго обученія на дому? посылать ли ихъ въ общественныя учебныя заведенія или же продолжать учить ихъ дома? Авторъ обширно развиваетъ здѣсь свои мысли въ пользу общественнаго обученія.

Изъ приложенной въ концѣ книги таблицы видно, что первый, второй и третій періоды ученія рассчитаны на 6 мѣсяцевъ каждый, послѣдній же, четвертый, періодъ на 18 мѣсяцевъ.

Въ этой книгѣ Деллена можно найти чрезвычайно много здравыхъ мыслей и практическихъ указаній по всѣмъ вопросамъ воспитанія и образованія. Особенно удачно разъяснена польза нагляднаго обученія и надлежащая постановка этого дѣла. По всему видно, что авторъ этой книги былъ рожденный педагогъ и что настоящимъ его призваніемъ было педагогическое поприще.

XIV. Kurzgefasste Geschichte und heutiger Standpunkt der Mnemonik. 1859.

Статья о мнемоникѣ, напечатанная въ дерптскомъ журналѣ „Inland“ за 1859 годъ (№ 28—31), принадлежитъ къ той же области педагогики, какъ и сочиненіе „Der erste Unterricht“; здѣсь (стр. 233) авторъ и ссылается на эту свою статью, указывая еще нѣкоторые другія пособія по вопросу о внѣшнихъ приѣмахъ запоминанія. Журналъ „Inland“ въ университетской бібліотекѣ нѣтъ, а потому я не могъ ознакомиться съ работой Деллена о мнемоникѣ. Но зато я лично имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что онъ самъ обладалъ искусствомъ дѣйствительно быстрого запоминанія. Въ 1876 году онъ былъ назначенъ депутатомъ отъ округа для присутствованія на экзаменахъ зрѣлости во второй Харьковской гимназій, гдѣ я тогда состоялъ преподавателемъ. Во время исполненія учениками письменныхъ работъ онъ бесѣдовалъ съ членами комиссіи и, между прочимъ, заговорилъ съ нами о мнемоникѣ. По его предложенію, я написалъ на бумажкѣ длинный рядъ цифръ, совершенно произвольно составленный. Пристально всмотрѣвшись въ эти цифры, онъ возвратилъ мнѣ бумажку и безошибочно повторилъ весь рядъ цифръ, не только въ томъ порядкѣ, какъ онѣ

были написаны, но и наоборотъ, съ права на лѣво. Но впрочемъ, своего секрета онъ тогда намъ не открылъ, а довольствовался только произведеннымъ эффектомъ.

XV. Общая характеристика.

Изъ предшествующаго матеріала явствуетъ, что Делленъ, какъ ученый, не былъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ научной истины въ полномъ смыслѣ слова. Ему не было дано находить новыя проблемы или новую постановку старыхъ вопросовъ. Онъ всецѣло зависѣлъ отъ тѣхъ мнѣній, которыя были высказаны до него его предшественниками. Но зато онъ тщательно собиралъ и штудировалъ эти мнѣнія и разсудительно взвѣшивалъ ихъ достоинства и недостатки, опровергая или подкрѣпляя ихъ основанія. Въ общикѣ существовавшихъ до него мнѣній онъ обнаруживалъ мѣткую самостоятельность сужденія. Однако степень этой самостоятельности зависѣла отъ степени углубленія въ предметъ изслѣдованія. На изученіе сатиръ Ювенала онъ потратилъ нѣсколько лѣтъ усидчивыхъ занятій, и согласно съ этимъ самостоятельность его сужденій въ этомъ случаѣ проявляется въ наиболѣе конкретной формѣ: не ограничиваясь просто выборомъ лучшаго мнѣнія, онъ здѣсь кое-гдѣ предлагаетъ и свое собственное освѣщеніе спорнаго мѣста, въ значительной мѣрѣ, однако, теряющееся въ той массѣ труда, который онъ употребляетъ на разъясненіе отрицательныхъ сторонъ въ мнѣніяхъ предшественниковъ. Въ позднѣйшихъ же комментаріяхъ къ Тациту и Теренцію все дѣло сводится въ сущности только къ взвѣшиванію чужихъ мнѣній, причемъ нерѣдко замѣчается, что этими мнѣніями прямо таки даже заслоняется самый текстъ толкуемаго мѣста; авторъ комментарія разъясняетъ больше утвержденія своихъ предшественниковъ, чѣмъ слова Тацита или Теренція.

Во всѣхъ его сужденіяхъ, даже наиболѣе самостоятельныхъ, за исключеніемъ, впрочемъ, первой его работы о Ливіи Андроникѣ, бросается въ глаза общій формальный недостатокъ, заключающійся въ неумѣнн схватывать суть дѣла въ краткихъ словахъ, вслѣдствіе чего эти сужденія нерѣдко являются расплывчатыми и растянутыми до невозможности. Многословіе составляетъ одну изъ самыхъ яркихъ чертъ его стиля.

Къ этому присоединяется еще его пристрастіе къ полнотѣ ученаго аппарата, понимаемаго въ смыслѣ возможно полнаго списка заглавій сочиненій, касающихся каждаго даннаго вопроса. Часто онъ приводитъ съ аккуратною библиографическою точностью цѣлые каталоги, не соотносясь съ достоинствами цитируемыхъ имъ сочиненій и не пытаясь даже

разъяснить читателю, которыя изъ этихъ сочиненій наиболѣе важны и необходимы.

Несмотря на все это, въ предѣлахъ той области, которую онъ изучилъ во всѣхъ подробностяхъ, его труды являются болѣе или менѣе полезными пособіями. Но эта область его специальныхъ занятій была не особенно обширна: она касалась главнымъ образомъ только экзегезиса избранныхъ римскихъ авторовъ, да и то преимущественно только отдѣльных ихъ сочиненій. Въ предѣлахъ этой ограниченной области онъ стоялъ, однако, на уровнѣ современной науки и, будучи основательно знакомъ со всей сюда относящейся научной литературой, сумѣлъ отнестись хладнокровно къ модному въ то время увлеченію высшей и конъектуральной критикой.

Напротивъ, за предѣлами области его специальныхъ занятій, компетентность его была невелика. Прежде всего это касается грамматическихъ вопросовъ, безъ которыхъ экзегезисъ во многихъ случаяхъ совершенно не мыслимъ. Но все-таки грамматика латинскаго языка, въ традиціонномъ ея обликѣ, была ему настолько извѣстна, что разсудительная способность его ума указывала ему необходимость обращаться осторожно съ подобными вопросами. Совсѣмъ иная картина получается по вопросамъ, выходящимъ за предѣлы узко-латинской грамматики. Формы 2-го будущаго онъ не въ состояніи представить себѣ иначе, какъ только въ значеніи цicerоновскаго *futurum exactum*. Иберійскій и семитическіе языки сливаются у него въ одно цѣлое съ индоевропейскими. Латинскій языкъ, по своему происхожденію, оказывается смѣсью греческаго языка аборигеновъ съ кельто-германскимъ языкомъ сиколовъ. Вопросъ о происхожденіи римскаго народа онъ развиваетъ съ любовнымъ увлеченіемъ, свойственнымъ дилетантамъ науки. Научная разсудительность Деллена такимъ образомъ ограничивалась узкими предѣлами.

Латинскій стиль его работъ, написанныхъ на этомъ языкѣ, отличается прозрачною легкостью и удобопонятностью. По рассказамъ его слушателей, эти же качества присущи были и латинскому языку его лекцій. Но эта удобопонятность происходила отъ того, что его латинскій языкъ не имѣлъ ничего общаго съ слогами древнихъ авторовъ: это былъ всецѣло стиль новыхъ языковъ, съ буквальной передачей при помощи латинскаго слова даже такихъ выраженій, какъ напр. *nominationem* въ смыслѣ „именно“, „nämlich“.

Древніе говорили: *orator fit, poeta nascitur*. По отношенію къ Деллену можно это видоизмѣнить въ томъ смыслѣ, что онъ не былъ ученымъ по своей природѣ, а сдѣлался таковымъ, до извѣстной степени, благодаря усидчивой работѣ въ избранной имъ области своей дѣятель-

ности. Напротивъ, можно утверждать, что онъ родился педагогомъ, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ лучшій изъ всѣхъ его трудовъ: „Der erste Unterricht“. Онъ былъ прежде всего человѣкъ яснаго *практическаго* ума. Бывшіе слушатели Деллена въ Харьковскомъ университетѣ отзываются съ полной похвалой о его преподавательской дѣятельности, въ особенности въ сравненіи съ своеобразностью преподаванія Пѣховскаго. Кіевскій біографъ Деллена (въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ университета св. Владимира) даетъ подобную характеристику преподавательской дѣятельности Деллена: „Въ этомъ отношеніи Делленъ слѣдовалъ той же методѣ, какую практиковалъ въ университетѣ св. Владимира профессоръ греческой словесности И. Я. Нейкирхъ. А именно, послѣ обычнаго обращенія къ слушателямъ: *commilitones humanissimi*, профессоръ Делленъ предлагалъ одному изъ нихъ перевести и объяснить слѣдующее по порядку мѣсто того латинскаго автора, объясненіе котораго въ данное полугодіе составляло предметъ его чтеній. Во время перевода профессоръ останавливался чуть не на каждомъ выраженіи, чуть не на каждомъ словѣ латинскаго текста, разбирая всевозможныя ихъ значенія и измѣненія, указывая на такъ называемыя *varietates lectionum* разбираемаго мѣста, на міѳологическія сказанія или историческія факты, необходимыя для полнаго или точнаго пониманія текста и т. д. Послѣ такого подробнаго, всесторонняго разбора переводимаго мѣста писателя для слушателей не оставалось ничего въ немъ неяснаго и неопредѣленнаго. Если же у кого-либо возникало какое-нибудь, хотя малѣйшее, сомнѣніе или недоразумѣніе въ какомъ бы то ни было отношеніи, то стоило ему только высказать это Деллену,—и онъ всегда готовъ былъ дать необходимыя дополненія и новыя разъясненія, всегда готовъ былъ радушно принять у себя на дому студента, желавшаго получить подобныя разъясненія, и посвятить на нихъ хотя бы и нѣсколько часовъ. Къ сказанному необходимо присовокупить, что всѣ упомянутыя объясненія происходили на латинскомъ языкѣ. На латинскомъ же языкѣ Делленъ излагалъ своимъ слушателямъ и исторію римской литературы, и римскія древности, и античную міѳологію. Курсы эти были кратки, сжаты, можетъ быть и сухи, но въ отношеніи существенныхъ частей науки совершенно полны и особенно богаты указаніемъ источниковъ и пособій (*fontes et auxilia*), существующихъ на латинскомъ и разныхъ новоевропейскихъ языкахъ, особенно на нѣмецкомъ и французскомъ. Все это, взятое вмѣстѣ, давало возможность слушателямъ профессора Деллена вполне основательно изучить латинскій языкъ и быть вполне подготовленными для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятій, кто избиралъ латинскій языкъ

своей спеціальностью. Можно, не преувеличивая, сказать, что многие изъ учениковъ А. К. Деллена и И. Я. Нейкирха, благодаря ихъ преподаванію латинскаго и греческаго языковъ, выходили изъ университета съ весьма основательными познаніями по части классической филологіи и совершенно свободно объяснялись на латинскомъ языкѣ, даже писали на немъ большія сочиненія. Такіе результаты преподаванія этихъ профессоровъ получаютъ еще большее значеніе, если примемъ во вниманіе слабую подготовку поступающихъ въ университетъ, слабую до такой степени, что во время посѣщенія гимназіи министромъ народного просвѣщенія графомъ Уваровымъ изъ всѣхъ учениковъ 6-го класса едва одинъ могъ сказать *gerundium* предложеннаго министромъ латинскаго глагола, а между тѣмъ одинъ изъ учениковъ этого класса, черезъ два года поступившій въ университетъ св. Владимира, къ концу университетскаго курса такъ успѣлъ въ латинскомъ языкѣ, что за большое сочиненіе на латинскомъ языкѣ былъ награжденъ золотой медалью“.

Въ этомъ отзывѣ наряду съ именемъ Деллена упоминается и имя Нейкирха. Дѣйствительно, приведенная здѣсь характеристика преподаванія Деллена повторена почти дословно также и въ біографіи Нейкирха (въ томъ же Біографическомъ словарѣ). А такъ какъ послѣдній былъ старше Деллена (Нейкирхъ родился въ 1803 году), то нужно полагать, что въ этомъ отношеніи Делленъ слѣдовалъ примѣру и, быть можетъ, указаніямъ Нейкирха. О томъ, что Делленъ пользовался совѣтами своего старшаго товарища, онъ самъ упоминаетъ въ объясненіи сатиръ Ювенала (стр. 110). Притомъ изъ данныхъ того же Словаря о Нейкирхѣ видно, что послѣдній былъ много обязанъ отцу Деллена. Также и кругъ научной дѣятельности обоихъ обнаруживаетъ значительное сходство. Нейкирхъ, между прочимъ, также напечаталъ: *Historiae litterarum graecarum summarium* (1863).

Въ университетѣ св. Владимира Делленъ преподавалъ сначала греческій и латинскій языки для студентовъ перваго курса, читалъ греческую литературу и объяснялъ римскихъ писателей, посвящая на эти занятія до 11 часовъ въ недѣлю; впослѣдствіи онъ читалъ исторію римской литературы, римскія древности и объяснялъ римскихъ писателей. Въ Харьковскомъ университетѣ онъ читалъ вообще только предметы по кафедрѣ римской словесности: авторовъ, литературу и древности, но одно время, за отсутствіемъ профессора греческой словесности, ему пришлось читать также и предметы по этой кафедрѣ.

XVI. Біографическія данныя.

Время рожденія А. К. Деллена и время его поступленія на службу удостовѣрены имъ самимъ въ имѣющейся при дѣлахъ Харьковскаго Университета собственноручной запискѣ на имя Александра Васильевича (повидимому, тогдашняго секретаря совѣта Кожедубова) слѣдующаго содержанія: „Честь имѣю извѣстить Васъ, что я родился 9-го апрѣля 1814 года и вступилъ въ службу 1-го августа 1837 года, слѣдовательно имѣлъ тогда отъ роду 23 года и 114 дней. Точнѣе опредѣлить, въ какомъ возрастѣ и началъ служить своему отечеству, я не въ состояніи, такъ какъ не имѣю никакихъ данныхъ ни о томъ, въ которомъ часу (минут., секунд. и т. д.) 9-го апрѣля я родился, ни о томъ, въ которомъ часу (мин., сек. и т. д.) 1-го августа подписана была бумага объ опредѣленіи меня въ службу“.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ Кіевскомъ біографическомъ словарѣ, Делленъ родился въ Митавѣ и обучался въ частномъ училищѣ своего отца, которое послѣдній содержалъ въ мѣстечкѣ Добельнѣ близъ Митавы. Въ этомъ же училищѣ своего отца Делленъ началъ также и свою педагогическую дѣятельность. Въ 1832 году онъ поступилъ въ Дерптскій университетъ по Историко-филологическому факультету, называвшемуся тогда философскимъ.

Согласно формулярному списку, А. К. Делленъ, вѣроисповѣданія евангелическаго, въ Дерптскомъ университетѣ за сочиненіе, удовлетворительно написанное имъ на заданную Философскимъ факультетомъ тему: *De vita et scriptis Livii Andronici*, награжденъ золотою медалью въ 1835 году, а по окончаніи курса въ семъ университетѣ, въ 1837 году, удостоенъ степени кандидата философіи. Въ томъ же году, 1 августа, опредѣленъ учителемъ въ Рижскую гимназію съ согласія г. Министра Народнаго Просвѣщенія и съ утвержденія г. Попечителя Дерптскаго учебнаго округа съ чиномъ X класса. Въ слѣдующемъ, 1838 году, опредѣленъ старшимъ учителемъ (*Oberlehrer*) при оной гимназіи съ чиномъ XI класса съ утвержденія Попечителя Дерптскаго учебнаго Округа.

Въ томъ же 1838 году, 16 сентября, получилъ отъ Императорскаго Дерптскаго Университета степень магистра философіи за свое сочиненіе, переработанное изъ кандидатскаго и напечатанное въ Дерптѣ подъ заглавіемъ: *De vita Livii Andronici dissertatio. Dorpati Livonorum 1838*. На магистерскомъ диспутѣ Деллена присутствовали и принималъ въ немъ участіе въ качествѣ опонента тогдашій министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ, который немедленно предложилъ новому

магистру мѣсто адъюнкта по кафедрѣ греческой и римской словесности въ университетѣ св. Владиміра. Съ утвержденія г. Министра народнаго просвѣщенія, 29 сентября, опредѣленъ въ университетъ св. Владиміра адъюнктомъ, каковой должности присвоенъ былъ чинъ коллежскаго ассесора, и 31 декабря получилъ отъ Правительствующаго Сената патентъ на этотъ чинъ.

Въ 1840 году за отлично усердную службу получилъ благодарность отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, а въ 1841 году, съ разрѣшенія г. Министра, получилъ 50 рублей сер. изъ экономическихъ суммъ университета въ вознагражденіе за преподаваніе имъ въ семъ университетѣ въ теченіи 2 мѣсяцевъ и 10 дней латинской словесности до назначенія особаго преподавателя сего предмета.

Въ томъ же, 1840 году, 30 ноября, г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ римской словесности и древностей въ университетѣ св. Владиміра, а въ 1842 году, 24 сентября, по случаю введенія въ дѣйствіе новаго устава и штата университета св. Владиміра, Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія утвержденъ снова экстраординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ.

Въ 1845 году, 22 декабря, состоялось опредѣленіе Совѣта св. Владиміра о напечатаніи на счетъ университета сочиненія Деллена: *Beiträge zur Kritik und Erklärung der Satiren des Juvenalis*. Въ 1847 году, съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія получилъ въ награду усердной службы 800 рублей сер. изъ суммы, Высочайше назначенной въ пособіе университету св. Владиміра изъ земскихъ сборовъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній.

По удостоенію Совѣта университета св. Владиміра и во вниманіе къ заслугамъ и познаніямъ Деллена, 18 января 1850 года онъ утвержденъ г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія исправляющимъ должность ординарнаго профессора по занимаемой имъ кафедрѣ.

Въ 1856 году Императорскою Академіей Наукъ удостоенъ золотой медали за составленный имъ разборъ сочиненія Ешевскаго „Аполлинарій Синодій“, представленнаго на 25 Демидовскій конкурсъ.

Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 29 день декабря 1857 года, опредѣленъ, сверхъ должности профессора, директоромъ 1-й Кіевской гимназіи съ производствомъ жалованья по университету и по гимназіи.

Приказомъ г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 25 августа 1862 года оставленъ на службѣ при университетѣ св. Владиміра на 5 лѣтъ, съ увольненіемъ отъ должности дирек-

тора гимназій. Съ разрѣшенія г. Товарища Министра, отъ 6 февраля 1863 года, назначено ему за выслугу по учебной части свыше 25 лѣтъ въ пенсію полный окладъ жалованія по 1200 рублей серебр. въ годъ, сверхъ получаемого имъ содержанія, съ производствомъ такового со дня дѣйствительнаго увольненія его отъ должности директора гимназій.

Приказомъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 27 декабря 1863 года утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора, а въ слѣдующемъ, 1864 году, 10 апрѣля, по удовлетворительномъ публичномъ защищеніи написаннаго имъ и одобреннаго Историко-филологическимъ факультетомъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Beiträge zur Kritik und Erklärung der Satiren des Juvenalis“, на основаніи 110 § Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, утвержденъ Совѣтомъ Университета св. Владиміра въ степени доктора римской словесности и приказомъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 10 іюля 1864 года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ римской словесности.

По распоряженію г. Попечителя Кіевскаго учебнаго округа производилъ въ теченіи апрѣля, мая и іюня 1866 года ревизію 1-ой Кіевской гимназій въ научномъ отношеніи и за отличное исполненіе сего порученія, по доведеніи о томъ до свѣдѣнія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, изъявлена ему за это особенная признательность Его Сіятельства.

Приказомъ г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 18 августа 1867 года уволенъ отъ службы при университетѣ св. Владиміра, за выслугою срока, съ 1 августа 1867 года, съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный. Вслѣдствіе ходатайства Совѣта университета св. Владиміра дозволено ему по Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ предложеніи г. Управляющаго Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 31 октября 1867 года, продолжать чтеніе лекцій въ семъ университетѣ до 1 мая 1868 года, съ производствомъ ему за сей трудъ, со дня увольненія отъ службы, въ видѣ платы по найму, вознагражденія соразмѣрнаго содержанію ординарнаго профессора, которымъ онъ пользовался, состоя на службѣ.

За время своей службы въ университетѣ св. Владиміра, по опредѣленію Совѣта, два раза завѣдывалъ „Живописнымъ Кабинетомъ“ сего университета, а по распоряженію попечителя Кіевскаго учебнаго округа неоднократно былъ командированъ для ревизіи разныхъ гимназій округа, за что получилъ благодарность отъ Министра. Кромѣ указанныхъ выше денежныхъ наградъ, получилъ знаки орденовъ св.

Станислава 2-ой степени, св. Анны 2-ой степени, и св. Станислава той же степени съ Императорской короной, а также знаки отличія безпорочной службы за XV, XX и XXV лѣтъ и медаль въ память войны 1853—1856 годовъ. Въ 1867 году произведенъ за отличіе по службѣ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

При столь хорошей аттестаціи со стороны учебнаго начальства съ одной стороны и въ виду лестнаго отзыва о преподавательской дѣятельности въ университетѣ св. Владимира со стороны составителей Біографическаго словаря Кіевскихъ профессоровъ, фактъ выхода его въ отставку, за выслугою лѣтъ, производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что нѣкѣмъ было замѣстить его. Но причина этого факта сама собою понятна. Делленъ не разсчитывалъ быть выбраннымъ на новое пятилѣтіе въ Совѣтъ университета св. Владимира, хотя тотъ же Совѣтъ, вслѣдъ за отставкою Деллена, нашелъ его службу настолько полезною, что призналъ нужнымъ исходатайствовать Высочайшее повелѣніе о продолженіи преподавательской дѣятельности Деллена въ томъ же университетѣ, но только не въ качествѣ полномочнаго члена Совѣта, а, напротивъ, лишь на правахъ сторонняго преподавателя изъ платы по найму.

Но отставка Деллена продолжалась не долго. Въ засѣданіи Совѣта Харьковскаго университета отъ 3 октября того же 1867 года заслушано было слѣдующее представленіе Историко-Филологическаго факультета, подписанное деканомъ Рославскимъ-Петровскимъ, отъ 30 сентября: „Въ Харьковскомъ университетѣ каѳедра римской словесности болѣе шести лѣтъ (съ 1861 года) не имѣетъ представителя. Чтобы помочь, хотя отчасти, этой вопіющей нуждѣ, Историко-Филологическій факультетъ, какъ извѣстно Совѣту, вошелъ съ представленіемъ о приглашеніи бывшаго профессора греческой словесности *П. В. Тихоновича* на одинъ годъ для чтенія предметовъ, относящихся къ каѳедрѣ римской словесности и древностей, но такъ какъ подобной мѣрой, въ случаѣ утвержденія ея высшимъ начальствомъ, означенный недостатокъ устраняется лишь на время и притомъ не вполне, въ виду обширности каѳедры, то Историко-Филологическій факультетъ спѣшитъ воспользоваться готовностію, изъявленной извѣстнымъ знатокомъ древнихъ языковъ, бывшимъ ординарнымъ профессоромъ университета св. Владимира *А. К. Делленомъ*, занять каѳедру римской словесности въ нашемъ университетѣ и считаетъ долгомъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ объ избраніи г. Деллена въ званіе ординарнаго профессора по означенной каѳедрѣ, съ производствомъ ему, до открытія вакансіи ординарной профессуры, дополнительнаго содержанія за счетъ остатковъ суммы отъ

некомплекта преподавателей“. При этомъ факультетъ заявлялъ, что въ засѣданіи 29 сентября происходила баллотировка Деллена и что онъ избранъ единогласно. Баллотированіе, произведенное въ засѣданіи Совѣта 16 октября, дало слѣдующіе результаты: 17 избирательныхъ балловъ и 8 неизбирательныхъ. На основаніи этого, согласно ходатайству Совѣта, приказомъ Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 30 декабря 1867 года Делленъ снова опредѣленъ на службу съ званіемъ ординарнаго профессора Харьковскаго университета по кафедрѣ римской словесности и древностей на пять лѣтъ.

По полученіи увѣдомленія о своемъ новомъ назначеніи, Делленъ обратился къ ректору университета св. Владиміра съ прошеніемъ о томъ, не признается ли нужнымъ дозволить ему продолжать чтеніе лекцій въ семъ университетѣ до 1 мая 1868 года. Совѣтъ университета св. Владиміра, признавая, что оставленіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Деллена въ университетѣ св. Владиміра до 1-го мая будетъ весьма полезно, какъ для окончанія начатаго имъ курса лекцій, такъ равно и для испытанія его слушателей, отношеніемъ отъ 20 февраля 1868 года, просилъ ходатайства Совѣта Харьковскаго университета о прикомандированіи г. Деллена, въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, къ университету св. Владиміра до 1-го мая 1868 года. Это ходатайство поддержалъ и Делленъ прошеніемъ, обращеннымъ въ Совѣтъ Харьковскаго университета. Однако послѣдній опредѣленіемъ отъ 19 марта, не находилъ законныхъ основаній къ ходатайству о прикомандированіи къ университету св. Владиміра профессора Деллена, опредѣленнаго на службу въ Харьковскій университетъ по кафедрѣ римской словесности и древностей, которая съ 1861 года оставалась вакантною. Объ этомъ рѣшеніи Совѣта отправлено отношеніе въ университетъ св. Владиміра отъ 22-го марта, а 9-го апрѣля Делленъ снова обратился въ Совѣтъ Харьковскаго университета съ прошеніемъ объ отпускѣ на 28 дней, съ 1 мая, на что Совѣтъ и согласился. Ректоръ Кочетовъ, препровождая Деллену билетъ объ отпускѣ, присовокупилъ, что Делленъ назначенъ Совѣтомъ присутствовать въ качествѣ депутата отъ университета при окончательныхъ испытаніяхъ въ первой Харьковской гимназій, 12 іюня, по предмету греческаго языка.

Такимъ образомъ, къ чтенію лекцій въ Харьковскомъ университетѣ Делленъ приступилъ въ осеннемъ полугодіи 1868 года. Тогда же онъ избранъ въ члены Совѣта при попечителѣ Харьковскаго учебнаго округа на мѣсто доцента *Нейлсова*, перемѣщеннаго на службу въ С.-Петербургскій учебный округъ.

Въ ноябрѣ 1872 года, когда первое пятилѣтіе службы Деллена въ Харьковскомъ университетѣ подходило къ концу (считая съ 30 декабря 1867 года), деканъ историко-филологическаго факультета Н. Лавровскій вошелъ въ Совѣтъ университета съ представленіемъ слѣдующаго содержанія: „историко-филологическій факультетъ, въ засѣданіи 16 ноября, въ виду предстоящей выслуги пятилѣтія профессора Деллена, опредѣлилъ довести Совѣту университета, что онъ, считая излишнимъ распространяться о дѣятельности профессора Деллена, какъ преподавателя опытнаго и вполне преданнаго своему дѣлу, честь имѣетъ обратить вниманіе на крайнюю нужду факультета въ продолженіи преподаванія профессора Деллена, такъ какъ въ классическомъ разрядѣ въ настоящее время состоятъ только два преподавателя. Приватъ-доцентъ *Левандовскій*, опредѣленный на мѣсто инспектора прогимназіи, по всей вѣроятности встрѣтитъ затрудненія въ совмѣщеніи занятій по университету съ занятіями по ввѣренной ему прогимназіи. Кромѣ того, факультетъ считаетъ долгомъ обратить вниманіе Совѣта и на то обстоятельство, характеризующее преданность профессора Деллена къ призванію университетскаго преподавателя, что онъ недавно отказался отъ весьма лестнаго и выгоднаго предложенія мѣста директора историко-филологическаго института“. Вслѣдствіе этого представленія Делленъ баллотировался въ Совѣтъ и получилъ 23 избирательные шара и 9 неизбирательныхъ. Приказомъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 2 іюня 1873 года оставленъ вновь на службѣ по выслугѣ 35-лѣтняго срока, на пять лѣтъ, считая съ 30 декабря 1872 года.

По истеченіи второго пятилѣтія въ декабрѣ 1877 года Делленъ вновь баллотировался въ Совѣтъ и получилъ на этотъ разъ 29 избирательныхъ шаровъ и только 4 неизбирательные. Приказомъ г. министра народнаго просвѣщенія, 18 марта 1878 года, оставленъ на службѣ при занимаемой имъ должности еще на пять лѣтъ со времени выслуги 40-лѣтняго срока по учебному вѣдомству и вмѣстѣ съ тѣмъ пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ.

Срокъ третьяго пятилѣтія кончался 30 декабря 1882 года. Но не задолго до истеченія этого срока А. К. Делленъ, состоя на службѣ, волею Божіею умеръ 22 марта 1882 года, 69 лѣтъ отъ роду, прослуживъ по учебному вѣдомству почти 45 лѣтъ, считая съ 1 августа 1837 года. Причиной его смерти явилось случайное внутреннее поврежденіе, въ слѣдствіе неудачнаго прыжка черезъ канаву, въ ненастную погоду, на одной изъ Харьковскихъ улицъ. До этого случая онъ всегда пользовался хорошимъ здоровьемъ, чему немало содѣйствовалъ его необыкновенно регулярный образъ жизни.

За время своей службы въ Харьковскомъ университетѣ, Делленъ получилъ, кромѣ указаннаго уже знака отличія за XL лѣтъ службы, ордена: Владимира 3 степени, Станислава 1 степени и Анны 1 степени. Содержаніе его въ послѣдніе годы жизни исчислялось въ размѣрѣ 4920 рублей, составлявшемъ окладъ ординарнаго профессора 3000 руб. и пенсію въ 1920 рублей.

Со смерти Деллена кафедра римской словесности, вошедшая по уставу 1884 года въ составъ общей кафедры классической филологіи, оставалась незамѣщенной штатнымъ профессоромъ вплоть до 1887 года, но преподаваніе было обезпечено сперва однимъ представителемъ этого предмета (*Р. И. Шериль*), а позднѣе двумя, на правахъ исполняющихъ обязанности профессора.

И. Немушинъ.
